

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева

СТИХИ НЕ МОГУТ БЫТЬ БЕЗДОМНЫМИ..

Когда кончается материнская беременность нами, начинается беременность нами – дома. Мы еще не совсем родились, пока барахтаемся в его деревянном или каменном чреве, протягивая свои еще беспомощные, но уже яростные ручонки к выходу – из дома. Вместе с чувством крыши над головой возникает тяга – к двери. Что там, за ней? Пока мы учимся ходить внутри дома, мы все еще не родились. Наш первый крик, когда мы спотыкаемся неумелыми ножонками о камни вне дома, – это подлинный крик рождения. Характер проверяется там, где родные стены уже не защищают. Тяга из дома вовсе не означает ненависти к дому. Эта тяга – желание испытать себя в схватке с огромным неизвестным миром, а такое желание выше простого любопытства: оно – основа мятущегося человеческого духа, ибо духу тесны любые стены. Тезис «мой дом – моя крепость» – символ слабости духа. Дух сам по себе крепость, если даже не обнесен никакими стенами. Без уважения к дому нет человека. Но нет человека и нет писателя без тяги – из дому. Жизнь подсовывает другие дома, иногда даже прикидывающиеся родными, дома, всасывающие внутрь, как тряпина, дома, похожие на колыбели, убаюкивающие совесть. Но настоящий человек, настоящий писатель – мучительно рвется к единственному комфорту – к жесткому нищему комфорту свободы. Разве не любил Лев Толстой Ясную Поляну? Но когда он почувствовал в своем доме нечто сковывающее, опутывающее его, он бросился к двери, за которой была неизвестность и свобода хотя бы смерти. Джек Лондон искусственно пытался создать свободу внутри строившегося им в Лунной Долине «Дома Волка», но, может быть, он сам его поджег, чувствуя, как давят каменные стены, и страдая ностальгией не по дому, а по юношеской бездомности? Ностальгия по бездомности неоскорбительна и для отеческого дома – в ней тоска по слиянию с человечеством, где бездомны столькие люди, где бездомны справедливость, совесть, равенство, братство, свобода. Александр Блок сам вызывал на себя удары судьбы: «Пускай я умру под забором, как пес!» Маяковский, гневно отвергая «позорное благоразумие», гордо говорил:

Мне и рубля не накопили строчки.

Краснодеревщики не слали мебель на дом,

и, кроме свежeweмытой сорочки,

скажу по совести – мне ничего не надо.

Высокая бездомность духа, восстающая против красиво мебелированной бездуховности, – не это ли отеческий дом искусства? Бездомность – это человеческое горе, но только в глазах, затянутых жиром, горе – позорно. Об этом с очистительным покаянием точно сказал Пастернак:

И я испортился с тех пор,

Как времени коснулась порча,

И горе возвели в позор,

Мещан и оптимистов корча.

Одна великая женщина, может быть, самая великая женщина из всех живших когда-нибудь на свете, с отчаянной яростью вырыдала:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст...

Имя этой женщины – Марина Цветаева.

Домоненавистница? Храмоненавистница? Марина Цветаева... Уж она ли не любила

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
своего отеческого дома, где она помнила до самой смерти каждую шероховатость на стене, каждую трещинку на потолке. Но в этом доме, в спальне ее матери, висела картина, изображавшая дуэль Пушкина. «Первое, что я узнала о Пушкине, – это то, что его убили... Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот... Так с трех лет я шердо узнала, что у поэта есть живот... С пушкинской дуэли во мне началась сестра. Больше скажу – в слове «жи-вот» для меня что-то священное, даже простое «болит живот» меня заливают волной содрогавшегося сочувствия, исключаящего всякий юмор. Нас этим выстрелом всех в живот ранили». Так внутри даже любимого отеческого дома, внутри трехлетней девочки возникло чувство бездомности. Пушкин ушел в смерть – в невозвратимую, страшную вечную бездомность, и для того, чтобы ощутить себя сестрой ему, надо было эту бездомность ощутить самой. Потом, на чужбине, корчась от тоски по родине и даже пытаясь издеваться над этой тоской, Цветаева прохрипит, как «раненое животное, кем-то раненное в живот»:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма...

Она даже с рычанием оскалит зубы на свой родной язык, который так обожала, который так умела нежно и яростно мять своими рабочими руками, руками гончара слова:

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Не понимаемой быть встречным!

Дальше мы снова натываемся на уже процитированные «домоненавистнические » слова:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст...

Затем следует еще более отчужденное, надменное:

И всё – равно, и всё – едино...

И вдруг попытка издевательства над тоской по родине беспомощно обрывается, заканчиваясь гениальным по своей глубине выдохом, переворачивающим весь смысл стихотворения в душераздирающую трагедию любви к родине:

Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

И все. Только три точки. Но в этих точках – мощное, бесконечно продолжающееся во времени, немое признание в такой сильной любви, на какую неспособны тысячи вместе взятых стихотворцев, пишущих не этими великими точками, каждая из которых как капля крови, а бесконечными жиденькими словами псевдопатриотические стишки. Может быть, самый высокий патриотизм – он именно всегда таков: точками, а не пустыми словами?

И все-таки любовь к дому, – но через подвиг бездомности. Таким подвигом была вся жизнь Цветаевой. Она и в доме русской поэзии, разделенном на гостиные, салоны, коридоры и литературные кухни, не очень-то уживалась. Ее первую книжку «Вечерний альбом» похвалили такие барды, как Брюсов, Гумилев, считавшиеся тогда законодателями мод, но похвалили с некоторой снисходительностью, прикрывавшей инстинктивную опаску. От еще совсем юной Цветаевой шел тревожный запах огня, угрожающего внешнему налаженности этого дома, его перегородам, которые легко могли воспламениться. Цветаева недаром сравнила свои стихи с «маленькими чертями, ворвавшимися в святителище, где сон и фиам». Она, правда, не доходила до такого сознательного эпатажа, как футуристы, призывавшие сбросить Пушкина с парохода современности. Но, однако же, услышать от двадцатилетней девчонки такие самонадеянные строки, как, например:

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед –

было не совсем приятно поэтам, уверенным в драгоценности стихов только из собственного винограда. В ней было нечто вызывающее, в этой девчонке. Вся поэзия, например, Брюсова, была как аккуратно обставленная полумузейная гостиная в Доме Поэзии.

А поэзия Цветаевой не могла быть ни вещью в этом доме, ни даже комнатой – она была вихрем, ворвавшимся в дом и перепутавшим все листочки эстетских стихов, переписанных каллиграфическим почерком. Впоследствии Цветаева скажет: «Все под небом есть место – и предателю, и насильнику, и убийце, а вот эстету – нет! Он не считается, он выключен из стихии, он – нуль». Цветаева, несмотря на свой кружевной воротничок недавней гимназистки, явилась в Дом Поэзии как цыганка, как пушкинская Мариула, с которой она любила себя сравнивать. А ведь цыганство – это торжествующая над домовитостью бездомность. Уже в первых цветаевских стихах была неизвестная доселе в русской женской поэзии жесткость, резкость, впрочем, редкая и даже среди поэтов-мужчин. Эти стихи были подозрительно неизящны. Каролина Павлова, Мирра Лохвицкая выглядели рядом с этими стихами как рукоделие рядом с кованым железом. А ведь ковали-то еще совсем девичьи руки! Эстеты морщились: женщина-кузнец – это неестественно. Поэзия Ахматовой все-таки была более женственна, с более мягкими очертаниями. А тут сплошные острые углы! Цветаевский характер был крепким орешком – в нем была пугающая воинственность, дразнящая, задиристая агрессивность. Цветаева этой воинственностью как бы испугала сентиментальную слюнявость множества томных поэтессочек, заполнявших в то время своей карамельной продукцией страницы журналов, реабилитируя само понятие о характере женщин, показывая своим примером, что в этом характере есть не только кокетливая слабонервность, шармирующая пассивность, но и твердость духа, и сила мастера.

Я знаю, что Венера – дело рук,
Ремесленник – и знаю ремесло.

В Цветаевой ничего не было от синечулочного суфра-жизма – она была женщиной с головы до пят, отчаянной в любви, но сильной и в разрывах. Мятежничая, она

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru иногда признавала «каменную безнадежность всех своих проказ». Но – независимостью всего своего творчества, своего жизненно-поведенческого поведения она как еще никто из женщин-поэтов боролась за право женщин иметь сильный характер, отвергая устоявшийся во многих умах женский образ женственно-ста, саморастворения в характере мужа или любимого. Взаиморастворение двоих друг в друге – это она принимала как свободу и так умела радоваться пусть недолгому счастью:

Мой! – и о каких наградах.

Рай – когда в руках, у рта –

Жизнь: распахнутая радость

Поздороваться с утра!

Где же она – мятежница, горячка? Какие простые, выдыханные, любящие слова, под которыми подпишется любая счастливая женщина мира. Но у Цветаевой была своя святая самозаповедь: «Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!» Этого она не отдавала никому ни за какое так называемое счастье. Она не только умела быть счастливой, но умела и страдать, как самая обыкновенная женщина.

Увозят милых корабли,

Уводит их дорога белая...

И стон стоит вдоль всей земли:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

И все-таки счастьем подчиненности в любви она предпочитала несчастье свободы. Мятежница просыпалась в ней, и «цыганская страсть разлуки» бросала ее в бездомное «куда-то»:

Как правая и левая рука –

Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены блаженно и тепло,

Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает – и бездна пролегла

От правого – до левого крыла!

Что было этим вихрем? Она сама. То, что блюстители морали называют «вероломством», она называла верностью себе, ибо эта верность – не в подчинении, а в свободе.

Никто, в наших письмах роясь,

Не понял до глубины,

Как мы вероломны, то есть –

Как сами себе верны.

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я не знаю ни одного поэта в мире, который бы столько писал о разлуке, как Цветаева. Она требовала достоинства в любви и требовала достоинства при расставании, гордо забывая свой женский вопль внутрь и лишь иногда его не удерживая. Мужчина и женщина при расставании в «Поэме Конца» говорят у нее, расставаясь, как представители двух равновеликих государств, с той, правда, разницей, что женщина все-таки выше:

– Я этого не хотел.

Не этого. (Молча: слушай!

Хотеть, это дело тел,

А мы друг для друга – души.)

Но могут ли обижаться мужчины на женщину-поэта, кото-рая даже самому любимому своему на свете человеку – Пушкину – в воображенном свидании отказала опереться на его руку, чтобы взойти на гору. «Сама взойду!» – гордо сказала мятежница, внутри почти идолопоклонница. Впрочем, я немножко спутал и упростил ситуацию. Гордость Цветаевой была такова, что она была уверена: Пушкин уже по ее первому слову знал бы, «кто у него на пути», и даже не рискнул бы предложить руку, чтобы идти в гору. Впрочем, в конце стихотворения Цветаева все-таки сменяет гордость на милость и разрешает себе побежать вместе с Пушки-ным за руку, но только вниз по горе. Отношение Цвета-евой к Пушкину удивительно: она его любит, и ревнует, и спорит с ним, как с живым человеком. В ответ на пуш-кинское:

Тьмы низких истин нам дороже

Нас возвышающий обман –

она пишет: «Нет низких истин и высоких обманов, есть только низкие обманы и высокие истины». С какой яро-стью, даже, может быть, переходящей в женскую кара-ющую несправедливость, говорит Цветаева о жене Пуш-кина за то, что та после Пушкина позволила себе выйти за генерала Ланского. Впрочем, эта интонация, уже самозащи-тительная, звучит и в феноменальном стихотворении «По-пытка ревности». «После мраморов Каррары как живется вам с трухой гипсовой?» Маяковский боялся, чтобы на Пуш-кина не «навели хрестоматийный глянец». В этом Цветае-ва – с Маяковским. «Пушкин – в роли монумента? Пушкин – в роли мавзолея?» Но опять вступает гордость профессиона-ла. «Пушкинскую руку жму, а не лижу». Своей великой гор-достью Цветаева рассчиталась за всю «негордость» женщин, утративших свое лицо перед лицом мужчин. За это ей долж-ны быть благодарны женщины всего мира. Цветаева мо-щью своего творчества показала, что женская любящая ду-ша – это не только хрупкая свечка, не только прозрачный ручеек, созданный для того, чтоб в нем отражался мужчина, но и пожар, перекидывающий огонь с одного дома на дру-гой. Если пытаться найти психологическую формулу поэзии Цветаевой, то это, в противовес пушкинской гармонии, раз-бивание гармонии стихией. Существуют любители вытяги-вать из стихов афористические строчки и по ним строить ко-нцепцию того или иного поэта. Конечно, такой эксперимент можно проделать и со стихами Цветаевой. У нее есть четкие философские отливки, как, например: «Гений тот поезд, на который все опаздывают». Но ее философия – «внутри сти-хии жизни, становящейся стихией стиха, стихией ритма, и са-ма ее концепция – это стихия. Одного поэта, желая его по-журить за непоследовательность, однажды назвали «не-управляемым поэтом». Хотелось бы знать, что в таком слу-чае подразумевалось под выражением «управляемый поэт».

Чем управляемый? кем? как? В поэзии даже «самоуправля-емость» невозможна. Сердце настоящего поэта – это дом бездомности. Поэт не боится впустить в себя стихию и не боится быть разорванным ею на куски. Так произошло, на-пример, с Блоком, когда он впустил в себя революцию, ко-торая сама написала за него гениальную поэму «Двена-дцать». Так было и с Цветаевой, впуская в себя стихию своих личных и гражданских чувств и единственно чему под-чинявшуюся – так это самой стихии. Но для того, чтобы стихия жизни стала стихией искусства, нужна жестокая про-фессиональная дисциплина. Стихии Цветаева не позволяла хозяйничать в ее ремесле – здесь она сама была хозяйкой.

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Марина Ивановна Цветаева – выдающийся поэт-профессионал, вместе с Пастернаком и Маяковским реформи-ровавшая русское стихосложение на много лет вперед. Та-кой замечательный поэт, как Ахматова, которая так восхи-щалась Цветаевой, была лишь хранительницей традиций, но не их обновителем, и в этом смысле Цветаева выше Ахмато-вой. «Меня хватит на 150 миллионов жизней», – говорила Цветаева.

К сожалению, и на одну, свою, не хватило.

В. Орлов, автор предисловия к однотомнику Цветаевой, вышедшему в СССР в 1965 году, на мой взгляд, незаслужен-но упрекает поэта в том, что она «злобно отвернулась от громоносной народной стихии». Злоба – это уже близко к злодейству, а по Пушкину: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Цветаева никогда не впадала в политичес-кую злобу – она была слишком великим поэтом для этого. Ее восприятие революции было сложным, противоречи-вым, но эти противоречия отражали метания и искания зна-чительной части русской интеллигенции, вначале привет-ствовавшей падение царского режима, но затем отшатнув-шейся от революции при виде крови, проливаемой в гра-жданской войне.

Белый был – красным стал:

Кровь обагрила.

Красным был – белый стал:

Смерть побелила.

Это была не злоба, это был плач.

Не случайно Цветаевой так трудно оказалось в эмигра-ции, потому что она никогда не участвовала в политическом злобстве и стояла выше всех групп и группочек, за что ее и клевали тогдашние законодатели мод. Их раздражала ее независимость, не только политическая, но и художествен-ная. Они цеплялись за прошлое, ее стих рвался в будущее. Поэтому он оказался бездомен в мире прошлого.

Цветаева не могла не вернуться в Россию, и она это сде-лала. Она сделала это не только потому, что жила за грани-цей в ужасающей бедности. (Страшно читать ее письма чеш-ской подруге Анне Тесковой, когда Цветаева просит при-слать ей в Париж приличное платье, на один чудом получен-ный концерт, ибо ей не в чем было выступать.) Цветаева сделала это не только потому, что великий мастер языка не могла жить вне языка. Цветаева сделала это не только пото-му, что презирала окружающий ее мелкобуржуазный мир, заклеименный ею в «Читателях газет», в «Крысолове», не только потому, что ненавидела фашизм, против которого она так гневно выступала в своих чешских стихах. Цветаева вряд ли надеялась найти себе «домашний уют» – она дом искала не для себя, а для своего сына и, главное, для своих многочисленных детей-стихов, чьей матерью она была, и она – при всей своей обреченности на бездомность – знала, что дом ее стихов – Россия. Возвращение Цветаевой было поступком матери своих стихов.

Цветаева вернулась в Москву 18 июня 1939 года после кровавых варфоломеевских ночей и лишь на вокзале узнала об аресте сестры Аси. Ее муж – Сергей Яковлевич Эфрон, которого она когда-то поклялась не бросить, был болен и близок к отчаянию. Цветаеву не расстреляли, не арестовали – ее казнили незамечанием, непечатаением, нищетой. В своем дневнике она записала: «Живу, никому не показываясь... Впервые чувство чужой кухни. Безумная жара, которой не замечаю: ручьи пота и слез в посудный таз» (цитаты из дневников Цветаевой в книге Марии Разу-мовской «Марина Цветаева» (Оверсиз публикайшен, 1983)). Наконец-то состоявшаяся первая встреча с Анной Ахмато-вой взволновала ее, но в чем-то разочаровала их обеих – слишком они были разные. Пастернак пытался помочь Це-таевой, но прежние близкие отношения их так и не восстано-вились. Цветаева горько призналась в своем дневнике: «Не за кого держаться...» Затем арестовали ее дочь Алю и, наконец, ее мужа С. Эфрона. Вот из чего свивалась та пет-ля, на которой впоследствии повесилась Цветаева.

Она нежно, в каком-то смысле по-матерински, любила романтического Сергея Эфрона. «В 1917 году он сражается в рядах белой армии. Каким образом он попал в белую армию? Ведь предки его были революционерами, а роди-тели – народовольцами? Он

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru считал это величайшей ошибкой своей жизни. В этом он видел спасение России и правду. Когда же он потерял эту веру, он отвернулся – совершенно, без сомнений, и никогда больше не оборачивался назад. Как свидетель, я подтверждаю: этот человек любил Советский Союз и идею коммунизма больше своей жизни...» Он вернул первым и был первым жестоко наказан за свою доверчивость. Цветаева, исполняя клятву юности не оставлять его, вернулась не из-за доверчивости – из-за чувства невозможности бросить, оставить, что для нее означало – предать. В официальном документе о посмертной реабилитации С. Эфрона как дата смерти указывается 1941-й.

Цветаеву отправили в эвакуацию в камский городок Елабугу. По свидетельству Слонима, со слов Паустовского, «Пастернак пришел к ней помочь укладываться. Он принес веревку, чтобы перевязать чемодан, выхваливал ее крепость и пошутил, что она все выдержит, хоть вешайся на ней. Ему впоследствии передавали, что Цветаева повесилась на этой веревке, и он долго не мог простить себе эту роковую шутку.

Цветаева написала заявление с просьбой о том, чтобы ее устроили судомойкой в столовую для писателя в Чистополе (сама она не была членом Союза писателей). Работы в Елабуге она найти не могла. В архиве Союза писателей Татарии сохранилось ее отчаянное письмо, где она предлагала свои услуги по переводу с татарского в обмен на мыло и махорку. Ей тогда не ответили, потому что Союз писателей Татарии был почти весь арестован, и его возглавлял какой-то хозяйственный. По свидетельству хозяев дома, где Цветаева оставалась с сыном, ее подкармливала местная милиционерша, которой Цветаева помогала при постирушках. Цветаева, потеряв всякую надежду, не выдержала «бездны унижений» и повесилась в сенях.

Я побывал в 1970 году в Елабуге, когда не было еще надгробного камня, а только колышек с надписью «В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева». Я написал тогда стихотворение «Елабужский гвоздь»:

Помнишь, гераневая Елабуга,
ту городскую, что вечность назад
долго курила, курила, как плакала,
твой разъедающий самосад.
Бога просила молитвенно, ранено,
чтобы ей дали белье постирать.
Вы мне позвольте, Марина Ивановна,
там, где вы жили, чуть-чуть постоять.
Бабка открыла калитку зыбучую:
«Пытка под старость – незнамо за что.
Ходят и ходят – ну прямо замучили.
Дом бы продать, да не купит никто.
Помню – была она строгая, крупная.
Не подходила ей стирка белья.
Не управлялась она с самокрутками.
Я их крутила. Веревку – не я...»
Сырые сени. Слепые. Те самые,
где оказалась пенька хороша,

губы смочить привелось из ковша.
Гвоздь, а не крюк. Он граненый, увесистый
для хомутов, для рыбацких снастей.
Слишком здесь низко, чтоб взять и повеситься.
Вот удавиться – оно попростей.
Ну а старушка, что выжила впроголодь,
мне говорит, будто важный я гость:
«Как мне с гвоздем-то? Все смотрят и трогают...
Может, возьмете себе этот гвоздь?»
Бабушка, я вас прошу как о милости –
только не спрашивайте опять:
«А отчего она самоубилась-то?
Вы ведь ученый... Вам легче понять...»
Бабушка, страшно мне в сенцах и комнате.
Мне бы поплакать на вашем плече.
Есть лишь убийства на свете – запомните.
Самоубийств не бывает вообще.

Марина Цветаева – неоплатная наша вина, но и любовь наша навечная.

Поэт может быть бездомным, но стихи – никогда.

Е. Евтушенко

Стихотворения 1906 -- 1941

СЛЕДУЮЩЕМУ

МОЛИТВА

х х х

Мы с тобою лишь два отголоска

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

ДОМИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ

х х х

Идешь, на меня похожий

х х х

Моим стихам, написанным так рано

х х х

Стать тем, что никому не мило

х х х

Над Феодосией угас...

С.Э.

х х х

Радость всех невинных глаз

х х х

Безумье – и благоразумье

х х х

Никто ничего не отнял!

СТИХИ О МОСКВЕ

х х х

Настанет день, – печальный, говорят!

х х х

Над городом, отвергнутым Петром

х х х

Над синевую подмосковных роц

х х х

Семь холмов – как семь колоколов

х х х

Москва! Какой огромный...

х х х

Красною кистью...

х х х

Коли милым назову – не соскучишься!

СТИХИ К БЛОКУ

Имя твое – птица в руке

Ты проходишь на Запад Солнца

Зверю – берлога

Без зова, без слова

АХМАТОВОЙ

Не отстать тебе! Я – острожник

На базаре кричал народ

х х х

И поплыл себе – Моисей в корзине!

х х х

Я ли красному как жар киоту

ЦАРЮ -- НА ПАСХУ

х х х

Чуть светает...

х х х

И Кто-то, упав на карту

х х х

Из строгого, стройного храма

х х х

Только в очи мы взглянули – без остатка

х х х

Мое последнее величье

х х х

Поздний свет тебя тревожит?

х х х

Я помню первый день, младенческое зверство

х х х

Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.

х х х

Плохо сильным и богатым

МОСКВЕ

Когда рыжеволосый Самозванец

Гришка – Вор тебя не ополячил...

Жидкий звон, постный звон

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Андрей Шенье взшел на эшафот

Не узнаю в темноте

х х х

Московский герб: герой пронзает гада

ПСИХЕЯ

«Не самозванка – я пришла домой...»

«На тебе, ласковый мой, лохмотья...»

«Умирая, не скажу: была...»

«Ночи без любимого – и ночи...»

«Как правая и левая рука...»

«Рыцарь ангелоподобный...»

«Если душа родилась крылатой...»

КОМЕДЬЯНТ

Не любовь, а лихорадка!

Не любовь, а лихорадка!

легкий бой лукав и лжив.

Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен -- и как умна!
Героиней и героем
я равно обольщена.

Жезл пастуший -- или шпага?
Зритель, бой -- или гавот?
Шаг вперед -- назад три шага,
Шаг назад -- и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство -- не любовь!

И итогом этих (в скобках --
Несодеянных!) грехов --
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

20 ноября 1918

5

Дружить со мной нельзя
«Я Вас люблю всю жизнь и каждый день...»
Когда-нибудь, прелестное создание
«Дорожку простонародною...»
«Поцеловала в голову...»
«Та ж молодость, и те же дыры...»
х х х
А следующий раз – глухонемая
Глаза участливой соседки...
Так из дому, гонимая тоской...
Сажу без света, и без хлеба
Писала я на аспидной доске...
ПРИГВОЖДЕНА
«Пригвождена к позорному столбу»
И что тому костер остылый...
Вчера еще в глаза глядел...
Дом, в который не стучатся...
Не хочу ни любви, ни почестей...
Знаю, умру на Заре! На которой из двух...
ПОЖАЛЕЙ...
Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь...
Переселенцами...
Есть час на те слова...

ЗЕМНЫЕ ПРИМЕТЫ

Так, в скудном труженичестве дней...
Ищи себе доверчивых подруг...
Дабы ты меня не видел...
Здравствуй! Не стрела, не камень...
Некоторым – не закон...
Неподражаемо лжет жизнь...
Светло-серебряная цвель...

СИВИЛЛА

Каменной глыбой серой...

ЗАВОДСКИЕ

Стоят в чернорабочей хмури...

ХВАЛА БОГАТЫМ

РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

ПРОВОДА

Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...

ПОЭТЫ

Поэт – издалека заводит речь...
Есть в мире лишние, добавочные...
Что же мне делать, слепцу и пасынку...

СЛОВА И СМЫСЛЫ

Ты обо мне не думай никогда!

Ла-донь в ладонь...

Проводами продленная даль

ТАК ВСЛУШИВАЮТСЯ

Так вслушиваются...

Друг! Не кори меня...

ПРОКРАСТЬСЯ...

ДИАЛОГ ГАМЛЕТА С СОВЕСТЬЮ

РЕЛЬСЫ

МИНУТА

ПОСЛЕДНИЙ МОРЯК

КРИК СТАНЦИЙ

ПОЕЗД ЖИЗНИ

Древняя тщета течет по жилам...

ДВОЕ

Есть рифмы в мире сем...

Не суждено, чтобы сильный с сильным...

В мире, где всяк...

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

ПОЛОТЕРСКАЯ

МОЛВЬ..

ЖИЗНИ

Не возьмешь моего румянца...

В седину – висок...

Рас – стояние: версты, мили...

Русской ржи от меня поклон...

Тише, хвала!..

Кто – мы? Потонул в медведях...

НОВОГОДНЕЕ

РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

МАЯКОВСКОМУ

Любовная лодка разбилась о быт...

Зерна огненного цвета...

Много храмов разрушил...

ЛУЧИНА

СТИХИ К ПУШКИНУ

ПЕТР И ПУШКИН

(СТАНОК)

Преодоление...

ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ

В век сплошных скоропадских...

ДОМ

СТРАНА

СТИХИ К СЫНУ

Ни к городу и ни к селу.....

Наша совесть – не ваша совесть!..

СТОЛ

Мой письменный верный стол...

Вскрыла жилы: неостановимо...

КУСТ

Что нужно кусту от меня?..

А мне от куста – не шуми...

О поэте не подумал...

Тоска по родине! Давно...

НАДГРОБИЕ

Напрасно глазом – как гвоздем...

Есть счастливцы и счастливицы...

Двух станом не боец, а только гость случайный...

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

СТИХИ СИРОТЕ

Наконец-то встретила...

В мыслях об ином, инаком...

СТИХИ К ЧЕХИИ. МАРТ

О слезы на глазах...

НАРОД

ПОЭМЫ

Поэма горы

Liebster, Dich wundert

die rede? Alle Scheidenden

reden wie Trunkene und

nehmen gerne sich festlich...

Holderlin[1]

Посвящение

Вздригнешь – и горы с плеч,

и душа – горе.

Дай мне о горе спеть:

О моей горе!

Черной ни днесь, ни впредь

Не заткну дыры.

Дай мне о горе спеть

На верху горы.

1

Та гора была, как грудь

Рекрута, снарядам сваленного.

Та гора хотела губ

Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.

– Океан в ушную раковину

Вдруг-ворвавшимся ура!

Та гора гнала и ратовала.

Та гора была, как гром!

Зря с титанами заигрываем!

Той горы последний дом

Помнишь – на исходе пригорода?

Та гора была – миры!

Бог за мир взывает дорого!

Горе началось с горы.

Та гора была над городом.

2

Не Парнас, не Синай –

Просто голый казарменный

Холм. – Равняйся! Стреляй!

Отчего же глазам моим

(Раз октябрь, а не май)

Та гора была – рай?

3

Как на ладони поданный

Рай – не берись, коль жгуч!

Гора бросалась под ноги

Колдобинами круч.

Как бы титана лапами

Кустарников и хвой –

Гора хватала за полы,

Приказывала: стой!

О, далеко не азбучный

Рай – сквознякам сквозняк!

Гора валила навзничь нас,

Притягивала: ляг!

Оторопел под натиском,

– как? не понять и днесь!

Гора, как сводня – святости,

Указывала: здесь...

4

Персефоны зерно гранатовое!

Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зазубринами,
И звезды золотой зубец...

5
Не обман – страсть, и не вымысел,
И не лжет, – только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!

О когда б, здраво и попросту:
Просто – холм, просто – бугор...
(Говорят – тягую к пропасти
Измеряют уровень гор.)

В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда – над уровнем
жизни.)
– На те меня! Твой...

Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет – увы!
Оттого что в сей мир явились мы –
Небожителями любви!

6
Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ – непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды

Сбудется – по слезам его.

Еще говорила гора, что табор –
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком – отпустил Агарь!

Еще говорила, что это – демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила, мы были немые.
Предоставляли судить горе.

7
Гора горевала, что только грустью
Станет – что ныне и кровь и зной.
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!

Гора горевала, что только дымом
Станет – что ныне: и мир, и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев – долг и страсть.

Гора горевала о нашем горе –
Завтра! Не сразу! Когда над лбом –
Уж не memento[2], а просто – море!
Завтра, когда пойдем.

Звук... Ну как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи –

В жизнь, про которую знаем все мы:

Сброд – рынок – барак.

Еще говорила, что все поэмы

Гор – пишутся – так.

8

Та гора была, как горб

Атласа, титана стонущего.

Той горою будет горд

Город, где с утра и до ночи мы

жизнь свою – как карту бьем!

Страстные, не быть упорствуем.

Наравне с медвежьим рвом

И двенадцатью апостолами –

Чтите мой угрюмый грот.

(Грот – была, и волны впрыгивали!)

Той игры последний ход

Помнишь – на исходе пригорода?

Та гора была – миры!

Боги мстят своим подобиям!

.....

Горе началось с горы.

Та гора на мне – надгробием.

9

Минут годы, и вот означенный

Камень, плоским смененный, снят[3].

Нашу гору застроят дачами, –

Палисадниками стеснят.

Говорят, на таких окраинах

Воздух чище и легче жить.

И пойдут лоскуты выкраивать,

Перекладинами рябить,

Перевалы мои выструнивать,

Все овраги мои вверх дном!

Дома– в счастье, и счастья в дом!

Счастья – в доме! Любви без вымыслов!

Без вытягивания жил!

Надо женщиной быть – и вынести!

(Было-было, когда ходил,

Счастье – в доме!) Любви, не скрашенной

Ни разлукою, ни ножом.

На развалинах счастья нашего

Город встанет – мужей и жен.

И на том же блаженном воздухе,

– Пока можешь еще – греш! –

Будут лавочки на отдыхе

Пережевывать барыши,

Этажи и ходы надумывать,

Чтобы каждая нитка – в дом!

Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь

Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов

Не забудет гора – игры.

Есть беспутные, нет беспмятных:

Горы времени – у горы!

По упорствующим расселинам

Дачник, поздно хватясь, поймет:

Не пригорок, поросший семьями, –

Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками Везувия

Не сковать! Великана льном

Не связать! Одного безумия

Уст – достаточно, чтобы львом

Лаву ненависти струя.

Будут девками ваши дочери

И поэтами – сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!

Сын, цыганкам себя страви!

Да не будет вам места злачного,

Телеса, на моей крови!

Тверже камня краеугольного,

Клятвой смертника на одре:

– Да не будет вам счастья дольного,

Муравьи, на моей горе!

В час неведомый, в срок негаданный

Опознаете всей семьей

Непомерную и громадную

Гору заповеди седьмой!

Послесловие

Есть пробелы в памяти, бельма

На глазах: семь покрывал...

Я не помню тебя – отдельно.

Вместо черт – белый провал.

Без примет. Белым пробелом –

весь. (Душа, в ранах сплошных,

Рана – сплошь.) Частности мелом

Отмечать – Дело портных.

Небосвод – цельным основан.

Океан – скопище брызг?!

Без примет. Верно – особый –

весь. Любовь – связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти –

Пусть сосед скажет: он зряч.

Разве страсть – целит на части?

Часовщик я, или врач?

Ты – как круг, полный и цельный:

Цельный вихрь, полный столбняк.

я не помню тебя отдельно

От любви. Равенства знак.

(В ворохах сонного пуха:

Водопад, пены холмы –

Новизной, странной для слуха,

Вместо: я– тронное: мы...)

Но зато, в нищей и тесной

Жизни – “жизнь, как она есть” –

я не вижу тебя совместно

Ни с одной:

– Памяти мечь.

1 января – 1 февраля 1924

Прага. Гора.

Декабрь 1939. Голицыно, Дом писателей

Примечания

1

О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность... Гёльдерлин (пер. М. Цветаевой).

2

Memento mori (лат.)– помни о смерти.

3

Т. е. вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита) (прим М. Цветаевой).

Поэма конца

1

В небе, ржавее жести,

Перст столба.

Встал на означенном месте,

Как судьба.

– Без четверти. Исправен?

– Смерть не ждет.

Преувеличенно–плавен

В каждой реснице – вызов.

Рот сведен.

Преувеличенно–низок

Был поклон.

– Без четверти. Точен? –

Голос лгал.

Сердце упало: что с ним?

Мозг: сигнал!

* * *

Небо дурных предвестий:

Ржавь и жесьть.

Ждал на обычном месте.

Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:

Губ столбняк.

Так – государыням руку,

Мертвым – так...

Мчащийся простолюдин

Локтем – в бок.

Преувеличенно–нуден

Взвыл гудок.

Взвыл, – как собака, взвизгнул,

Длился, злясь.

(Преувеличенность жизни

В смертный час.)

То, что вчера – по пояс,

Вдруг – до звезд.

(Преувеличенно, то есть:

во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.

В кинематограф, или?.. –

Взрыв – Домой!

2
Братство таборное, –

Вот куда вело!

Громом на голову,

Саблей наголо,

Всеми ужасами

Слов, которых ждем,

Домом рушащимся –

Слово: дом.

* * *

Заблудшего баловня

Вопль: домой!

Дитя годовалое:

“Дай” и “мой”!

Мой брат по беспутству,

Мой зноб и зной,

Так из дому рвутся,

Как ты – домой!

* * *

Конем, рванувшим коновязь –

Ввысь! – и веревка в прах.

– Но никакого дома ведь!

– Есть, – в десяти шагах:

Дом на горе. – Не выше ли?

– Дом на верху горы.

Окно под самой крышею.

– “Не от одной зари

Горящее?” Так сызнова

Жизнь? – Простота поэм!

Дом, это значит: из дому

В ночь.

(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?..)

– Вы слишком много думали. –

Задумчивое: – Да.

З

И – набережная. Воды

Держусь, как толщи плотной.

Семирамидины сады

Висячие – так вот вы!

Воды (стальная полоса

Мертвецкого оттенка)

Держусь, как нотного листка –

Певица, края стенки –

Слепец... Обрато не отдашь?

Нет? Наклонюсь – услышишь?

Всеутолительницы жажд

Держусь, как края крыши

Лунатик...

Но не от реки

Дрожь, – рождена наядой!

Реки держаться, как руки,

Когда любимый рядом –

И верен...

Мертвые верны.

Да, но не всем в камерке...

Смерть с левой, с правой стороны –

Ты. Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.

Смех, как грошовый бубен.

– Нам с вами нужно бы...

– Мы мужественны будем?

4

Тумана белокурого

Волна – воланом газовым.

Надышано, накурено,

А главное – насказано!

Чем пахнет? Спешкой крайнею,

Потачкой и грешком:

Коммерческими тайнами

И бальным порошком.

Холостяки семейные

В перстнях, юнцы маститые...

Нашучено, насмеяно,

А главное – насчитано!

И крупными, и мелкими,

И рыльцем, и пушком.

...Коммерческими сделками

И бальным порошком.

(Вполоборота: это вот –

наш дом? – не я хозяйкою!)

Один – над книжкой чековой,

Другой – над ручкой лайковой,

А тот – над ножкой лыковой

Работает тишком.

...Коммерческими браками

И бальным порошком.

Серебряной зазубриной

В окне – звезда мальтийская!

Наласкано, налюблено,

А главное – натискано!

Нащипано... (Вчерашняя

Снедь – не взыщи: с душком!)

...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы – телятину
Жуют. Над шейкой сахарной
Черт – газовым рожком.

...Коммерческими крахами
И неким порошком –
Бертольда Шварца...

Даровит

Был – и заступник людям.
– Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?

5
Движение губ ловлю.

И знаю – не скажет первым.
– Не любите? – Нет, люблю.
– Не любите! – Но истерзан,
Но выпит, но изведен.

(Орлом озирая местность):

– Помилуйте, это– дом?
– Дом – в сердце моем. – Словесность!

Любовь – это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь –
Беседовать через столик?

Часочек – и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
– Храм?

Дитя, замените шрамом

На шраме! – Под взглядом слуг
и бражников? (я, без звука:
“Любовь – это значит лук
натянутый – лук: разлука”.)

– Любовь, это значит – связь.
Всё врозь у нас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы
и страсти. Memento[1] – паром:
Любовь – это все дары
В костер, – и всегда – задаром!)

Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка – опись.
– И прежде всего одна
Постель.
– Вы хотели: пропасть

Сказать? – Барабанный бой
Перстов. – Не горами двигать!
Любовь, это значит...
– Мой.

Я вас понимаю. Вывод?
* * *
Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)
– Уедем. – А я: умрем,
Надеялась. Это проще!

Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
– Любовь, это значит: жизнь.
– Нет, иначе называлось

У древних...

– Итак? –

Лоскут

Платка в кулаке, как рыба.

– Так едемте? – Ваш маршрут?

Яд, рельсы, свинец – на выбор!

Смерть – и никаких устройств!

– Жизнь! – Как полководец римский,

Орлом озирая войск

Остаток.

– Тогда простимся.

б

– Я этого не хотел.

Не этого. (Молча: слушай!

Хотеть – это дело тел,

А мы друг для друга – души

Отныне...) – И не сказал.

(Да, в час, когда поезд подан,

Вы женщинам, как бокал,

Печальную честь ухода

Вручаете...) – Может, бред?

Ослышался? (Лжец учтивый,

Любовнице как букет.

Кровавую честь разрыва

Вручающий...) – Внятно: слог

За слогом, итак – простимся,

Сказали вы? (Как платок,

В час сладостного бесчинства.

Уроненный...) – Битвы сей

Вы – Цезарь. (О, выпад наглый!

Противнику – как трофей,

Им отданную же шпагу

Вручать!) – Продолжает. (Звон
в ушах...) – Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. – Вы это каждой?

Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо

От кости. – Смешок. Сквозь смех –
Смерть. Жест. (Никаких хотений.
Хотеть, это дело – тех,
А мы друг для друга – тени

Отныне...) Последний гвоздь
вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.
– Последнейшая из просьб.
– Прошу. – Никогда ни слова

О нас... Никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые – в весну!)
– О том же и вас просила б.

Колечко на память дать?
– Нет. – Взгляд, широко-разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
– Но книгу тебе? – Как всем?
Нет, вовсе их не пишете,

Книг...

* * *

Значит, не надо.

Плакать не надо.

В наших бродячих
Братствах рыбачьих
Пляшут – не плачут.

Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят – не плачут.

Жемчуг в стакане
Плавят – и миром
Правят – не плачут.

– Так я ухожу? – Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей – как кость
Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы

И – чище бы...

Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.

Самую крепость –
В самую мякоть.
Только не плакать.

В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.

В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.

– Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...

– Срочно

Прошу, не глядите! – Взгляд. –
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) – Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
– Милый, уйдемте,
Плакать начну!

* * *

Забыла! Среди копилочек
Живых (коммерсантов – тож!)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая
Смывая – менады мех! –
Голконда волосяная,
Сокровищница утех –

(Для всех!) Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники, – где тропа

Назад? Наготовю грубой

Дразня и слепя до слез,
Сплошным золотым прелюбом
Смеемся пролилось.

– Не правда ли? – Лгнущий, мнущий
Взгляд. В каждой реснице – зуд.
– И главное – эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.

О, рвущий уже одежды –
Жест! Проще, чем пить и есть –
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)

И – сестрински или братски?
Союзнически: союз!
– Не похоронив – смеяться!
(И похоронив – смеюсь.)

7
И – набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки –

Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшались сопреступниками
Бредем. (Убитое – любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
– Вы понимаете, что будущее –

– Спать! – Новобрачными по коврику...

– Спать! – Все не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: – Возьмите под руку!
Не каторжники, чтобы так!..

Ток. (Точно мне душою– на руку
Лег! – На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, – на душу рукою лег!

Льнет. Радужное всё! Что радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь. – Я таких не знаю набережных
Кончающихся. – Мост, и:
– Ну-с?

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо – койных глаз
Взлет. – Можно до дому?
В по – следний раз!
8
По – следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина.

Во – да и твердь.
Выкладываю монеты.
День – га за смерть,
Харонова мзда за Лету.

Мо – неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо – неты те.
Итак, в теневую руку –

Без отсвета и без звяка.

Мо – неты – тем.

С умерших довольно маков.

Мост.

* * *

Бла – гая часть

Любовников без надежды:

Мост, ты – как страсть:

Условность: сплошное между.

Гнезжусь: тепло,

Ребро – потому и льну так.

Ни до, ни по:

Прозрения промежутки!

Ни рук, ни ног.

Всей костью и всем упором:

Жив только бок,

О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь – в боку!

Он – ухо и он же – эхо,

Желтком к белку

Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,

Мощусь. Близнецы Сиама,

Что – ваш союз?

Та женщина – помнишь: мамой

Звал? – всё и вся

Забыв, в торжестве недвижимом

Те – бя нося,

Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!

Не – брошусь вниз!

Нырять – отпускать бы руку

При – шлось. И жмусь,

И жмусь... И неотторжима.

Мост, ты не муж:

Любовник – сплошное мимо!

Мост, ты за нас!

Мы реку телами кормим!

Плю – щом впилась,

Клещом – вырывают с корнем!

Как плюш! как клещ!

Безбожно! Бесчеловечно!

Бро – сать, как вещь,

Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём

вещественном мире дутом!

Скажи, что сон!

Что ночь, а за ночью – утро,

Эк – спресс и Рим!

Гренада? Сама не знаю,

Смахнув перин

Монбланы и Гималаи.

Про – гал глубок:

Последнею кровью грею.

Про – слушай бок!

Ведь это куда вернее

Сти – хов... Прогрет

ведь? Завтра к кому наймешься?

Ска – жи, что бред!

Что нет и не будет мосту

Кон – ца...

– Конец.

* * *

– Здесь? – Детский, божеский

жест. – Ну-с? – Впилась.

– Е – ще немножечко:

В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными

И отзывчивыми на зов...

Сокровенную, подъязычную

Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей – тебе, подноготную

Тайну Евы от древа – вот:

я не более чем животное,

Кем-то раненное в живот.

Жжет... как будто бы душу сдернули

С кожей! Паром в дыру ушла

Пресловутая ересь вздорная,

Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!

Пар! Припарками обложить!

да ее никогда и не было!

Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

* * *

Прости меня! Не хотела!

Вопль вспоротого нутра!

Так смертники ждут расстрела

В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой

Дразня коридорный глаз.

И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?

Во весь оком глазка –

Глаз. Красного коридора

Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затяжка.

Сплёв, пожили значит, сплёв.

...По сим тротуарам в шашку

Прямая дорога: в ров

И в кровь. Потайное око:

Луны слуховой глазок...

.....

И покосившись сбоку:

– Как ты уже далек!

10

Совместный и сплоченный

Вздрог. – Наша молочная!

Наш остров, наш храм,

Где мы по утрам –

Сброд! Пара минутная! –

Справляли заутреню.

Базаром и закисью,

Сквозь-сном и весной...

Здесь кофе был пакостный, –

Совсем овсяной!

(Овсом своенравие

Гасить в рысаках!)

Отнюдь не Аравией –

Аркадией пах

Тот кофе...

Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной, –
Любовниц седых

Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви, –

А главное – юности!
Смешку – без причин,
Усмешке – без умысла,
Лицу – без морщин, –

О, главное – юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:
– Бурнус и Тунис! –
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалеюсь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

* * *

Не довспомнивши, не допонявши,

Точно с праздника уведены...

– Наша улица! – Уже не наша... –

– Сколько раз по ней... – Уже не мы... –

– Завтра с западу встанет солнце!

– С Иеговой порвет Давид!

– Что мы делаем? – Расстаемся.

– Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:

Рас – стаемся. – Одна из ста?

Просто слово в четыре слога,

За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кroatски,

Верно, Чехия в нас чудит?

Рас – ставание. Расставаться...

Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,

Тянутся за предел тоски...

Расставание – не по-русски!

Не по-женски! Не по-мужски!

Не по-божески! Что мы – овцы,

Раззевавшиеся в обед?

Расставание – по-каковски?

Даже смысла такого нет,

Даже звука! Ну, просто полый

Шум – пилы, например, сквозь сон.

Расставание – просто школы

Хлебникова соловьиный стон,

Лебединый...

Но как же вышло?

Точно высохший водоем –

Воздух! Руку о руку слышно.

Расставаться – ведь это гром

На голову... Океан в каюту!

Океании крайний мыс!

Эти улицы – слишком круты:

Расставаться – ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых

Вздых... Ладонь, наконец, и гвоздь!

Опрокидывающий довод:

Расставаться – ведь это врозь,

Мы же – сросшиися...

11

Разом проигрывать –

чище нет!

Загород, пригород:

Дням конец.

Негам (читай – камням),

Дням, и домам, и нам.

Дачи пустующие! Как мать

Старую – так же чту их.

Это ведь действие – пустовать:

Полое не пустует.

(Дачи, пустующие на треть,

лучше бы вам сгореть!)

Только не вздрагивать,

Рану вскрыв.

За город, за город,

Швам разрыв!

Ибо – без лишних слов

Пышных – любовь есть шов.

Шов, а не перевязь, шов – не щит.

– О, не проси защиты! –

Шов, коим мертвый к земле пришит,

Коим к тебе пришита.

(Время покажет еще, каким:
легким или тройным!)

Так или иначе, друг, – по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!

Что под наметкой – живая жиль
Красная, а не гниль!

О, не проигрывает –
кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.

По слободам казнят
Нынче, – мозгам сквозняк!

О, не проигрывает, кто прочь –
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
Набело, без наметки.

Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные –
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах

Пригорода. Салогом судьбы,
Слышишь – по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку

Цепкую – как ее ни канай!

По – следний фонарь!

* * *

Здесь? Словно заговор –

Взгляд. Низших рас –

Взгляд. – Можно на гору?

В по – следний раз!

12

Частой гривую

Дождь в глаза. – Холмы.

Миновали пригород.

За городом мы.

Есть – да нету нам!

Мачеха – не мать!

Дальше некуда.

Здесь околевать.

Поле. Изгородь.

Брат стоим с сестрой.

Жизнь есть пригород.

За городом строй!

Эх, проигранное

дело, господа!

Всё-то – пригороды!

Где же города?!

Рвет и бесится

Дождь. Стоим и рвем.

За три месяца

Первое вдвоем!

И у Иова,

Бог, хотел займы?

Да не выгорело:

За городом мы!

* * *

За городом! Понимаешь? За!

Вне! Перешед вал!

Жизнь – это место, где жить нельзя:

Ев – рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат

Стать Вечным Жидом?

Ибо для каждого, кто не гад,

Ев – рейский погром –

Жизнь. Только выкрестами жива!

Иудами вер!

На прокаженные острова!

В ад! – всюду! – но не в

Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь

Овец – палачу!

Право-на-жительство свой лист

Но – гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит –

Мечь! – в месиво тел!

Не упоительно ли, что жид

Жить – не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.

По – щадь не жди!

В сём христианнейшем из миров

Поэты – жида!

13

Так ножи вострят о камень,

Так опилки метлами

Смахивают. Под руками –

Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:

Сушь мужская, мощь?

Под ладонью –

О каких еще соблазнах –
Речь? Водой – имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, –

Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу – глажу –
Глажу по лицу.

Такова у нас, Маринок,
Спесь, – у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...

Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!

Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!
Плачь, с другими наверху
Стыд, со мной потерянный.

Оди – накового
Моря – рыбы! Взмах:
...Мертвой раковиной
Губы на губах.

* * *
В слезах.

Лебеда –
На вкус.
– А завтра,
Когда
Проснусь?

14

Тропою овечьей –

Спуск. Города гам.

Три девки навстречу.

Смеются. Слезам

Смеются, – всем полднем

Недр, гребнем морским!

Смеются!

– недолжным,

Позорным, мужским

Слезам твоим, видным

Сквозь дождь – в два рубца!

Кан жемчуг – постыдным

На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,

Последним, – о, лей! –

Слезам твоим – перлам

В короне моей!

Глаз явно не туплю.

Сквозь ливень – перюсь.

Венерины куклы,

Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,

Чем влечься и лечь.

Самой Песней Песен

Уступлена речь

Нам, птицам безвестным,

Челом Соломон

Бьет, ибо совместный

Плач – больше, чем сон!

* * *

И в полые волны

Мглы – сгорблен и равн –
Бесследно, безмолвно –
Как тонет корабль.

Прага, 1 февраля – Иловищи, 8 июня 1924

Примечания

1
Здесь: память (лат.).

КРЫСОЛОВ

Лирическая сатира

ГОРОД ГАММЕЛЬН

(Глава первая)

Стар и давен город Гаммельн,

Словом скромн, делом строг,

Верен в малом, верен в главном:

Гаммельн – славный городок!

В ночь, как быть должно комете,

Спал без прсыпу и сплошь.

Прочно строен, чисто метен,

До умильности похож

– Не подойду и на выстрел! –

На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:

Только один покррой в нем.

В городе Гаммельне дешево жить

И помирать спокойно.

Гривенник – туша, пятак – кувшин

Сливок, полушка – твóрог.

В городе Гаммельне, знай, один

Только товар и дорог:

Грех.

(Спросим дедов:

Дорог: редок.)

Ни распоясавшихся невест,

Ни должников, – и кроме
Пива – ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови –

Грех. Полстолетия (пятьдесят
лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
Дальше. «Вдвоем потели,

Вместе истлели». Тюфяк, трава, –
Разница какова?

(Бог упаси меня даже пять
лет на одной перине
Спать! лучше моську наймусь купать!)
Души Господь их принял.

И озаренье: А вдруг у них
не было таковых?

Руки – чтоб гривну взымать с гроша,
Ноги – должок не додан.
Но, вразумите, к чему – душа?
не глубоко ль негодный

– Как жардиньерка – гамак – кларнет –
в нашем быту – предмет?

В городе Гаммельне – отпиши –
Ни одного кларнета.
В городе Гаммельне – ни души.
Но уж телá за это!

Плотные, прочные. Бык, коль дюж,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся – георгин,
Ниц! преклонись, Георгий!

Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн – и умереть!»

Juri, и Rührei, и Rühr uns nicht
An[1] (в словаре: не тронь нас!) –
Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых – скромность,
И... бережливость: воззрился – ан
Пуговица к штанам!

Здесь остановка читатель. – Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сем Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

– Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф, –

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз – да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор, – и правильно: не простак
Пастор, – не воем «осанна!»
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка – не пустяк!

(Маленькая диверсия в сторону пуговицы:)

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв – застегнут.

Пуговица! Праадамов стыд!

Мод и свобод исподних –

Смерть. Обывателю ты – что чуб

Бульбе, и Будде – пуп.

С пуговицею – все право в прах,

В грязь. Не теряй, беспутный,

Пуговицы! Праадамов крах

Только тобой искуплен,

Фиговая! Ибо что же лист

Фиговый («Mensch wo bist?»[2]) –

Как не прообраз ее? («Vin nackt,[3]

Наг, – потому робею») –

Как не зачаток, не первый шаг...

Пуговица – в идее!

Пуговицы же (внемли, живот

Голый!) – идея – вот:

Для отличения Шатуна-

Чад – от овец Господних:

Божье застегнуто чадо на́

Всё, – а козел расстегнут –

Весь! Коли с ангелами в родстве,

Муж, – застегнись на всё!

Не привиденьями ли в ночи

– Целый Бедлам вакантный! –

Нищие, гении, рифмачи,

Шуманы, музыканты,

Каторжники...

Без головы, чем без[4]

Пуговицы! – Санкюлот! Босяк!

От Пугача – к Сэн-Жюсту?!

Если уж пуговица – пустяк,

что ж, господа, не пусто?

Для государства она – что грунт

Древу и чреву – фунт

Стерлингов. А оборвется – голь!

Бунт! Погреба разносят!

Возвеселися же, мать, коль

Пуговицею – носик:

Знак добронравия. (Мой же росс

явственно горбонос –

В нас[5]).

* * *

Дальше от пуговичных пустот,

Муза! От истин куцых!

От революции не спасет –

Пуговица. Да рвутся ж –

Всё! Коли с демонами в родстве –

Бард, – расстегнись на всё!

(Здесь кончается ода пуговице и возобновляется повествование.)

Город грядок –

Гаммельн, нравов –

добрых, складов

полных, – Рай-

город...

Божья радость –

Гаммельн, здравых –

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
город, правых –

город...

Рай-город, [6] пай-город, всяк-свой-пай-берет, –

Зай-город, загодя-закупай-город.

Без загадок –

город, – гладок:

Благость. Навык –

город. – Рай-

город...

Божья заводь –

Гаммельн, гадов –

Бесу, сладок –

Богу...

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров

Царь-город, старшему-уступай-город.

Без пожаров –

город, благость-

город, Авель-

город. – Рай-

город...

Кто не хладен

и не жарок,

прямо в Гаммельн

поез –

жа́й-город, рай-город, горноста́й-город.

Бай-город, вовремя-засыпай-город.

Первый обход!

Первый обход!

С миром сношенья прерваны!

Спущен ли пес? Впущен ли кот?

Предупрежденье первое.

Су – дари, выпрягайте слуг!
Тру – бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag».[7]

Без десяти!
Без десяти!
Уши законопатить
Ватой! учебники отнести
В парту! Будильник – на́ пять.

Ла – вочник, оставляй мелок,
Бюр – герша, оставляй чулок
И оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдёт ли засов?
Предупрежденье третье.

Би – блию закрывай, отец!
Бюр – герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак, –
«Morgen ist auch ein...»

– Спят

Гаммельнцы...

СНЫ
(Глава вторая)
В других городах,
В моих (через – край-город)
Мужья видят дев
Морских, жены – Байронов,

Младенцы – чертей,

Служанки – наездников...

А ну-ка, Морфей,

Что – гаммельнцам грезится

Безгрешным, – а ну?

– Востры – да не дюже!

Муж видит жену,

Жена видит мужа,

Младенец – сосок,

Краса толстощекая –

Отцовский носок,

Который заштопала.

Повар – пробует,

Обер – требует.

Всё как следует,

Всё как следует.

Вдоль спицы петля –

Так всё у них плавно!

Павл видит Петра,

А Петр видит Павла,

Конечно – внучат

Дед (точку – прозаик),

Служанка – очаг

И добрых хозяев.

Каспар – заповедь,

Пастор – проповедь.

Не без проку ведь

Спать, – не плохо ведь?

Пуды колбасы

колбасник (со шпэком),

Суд видит весы,

Весы же – аптекарь,

Наставнику – трость,

Плод дел его швейных –

Швещу. Псу же – кость?

Ошиблись: ошейник!

Стряпка – щипаное,

Прачка – плисовое.

Как по-писаному!

Как по-писаному!

– А сам бургомистр?

– Что въяве – то в дрёме.

Раз он бургомистр,

Так что ж ему кроме

Как бургеров зреть,

вассалов своих?

А сам бургомистр –

Своих крепостных. [8]

Дело слаженное,

Платье сложенное, –

По-положенному!

По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:

Есть доброе – в старом!)

А впрочем, чтоб рифм

Не стаптывать даром –

Пройдем, пока спит,

В чертог его (строек

Царь!) прочно стоит

И нашего стóит

Внимания...

* * *

Замка не взломав,
Ковра не закапав –
В богатых домах,
Что первое? запах.

Предельный, как вкус,
Нещадный, как тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.

Вся плоть вещества, –
(Счета в переплете
Шагреновом!) вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей, –
Вещественность сути:

Букет ее – всей!
Есть запахи – хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей,
– О! и не дневала! –
Гнилых овощей[9]
– Так пахнут подвалы –

Ему предпочту.

Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук:

Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил – а по мне
Смердит изобилье! –
Довольством – вполне.
А если и пылью –

Не нашей – с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной – штофной –

Портьерной. Красот
Собранием, скопом
Красот и чистот,
А если и пóтом –

Добротным, с клеймом
Палаты пробирной,
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным

Жилетным: не дам.
По самое небо
– О Ненависть! – храм
Стоглавый тебе бы –

За всех и за вся.

* * *

Засова не сняв,
Замка не затронув,
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,

Замки не гремят.
Врата без затвора –

Всё – тени, всё – воры

В снах).

Стó – невест тебе.

Всё – с запястьями!

Без – ответственно.

Без – препятственно.

Сé – час жениха!

За кражи! за взломы!

Пустить петуха

В семейные дома!

В двухспальных толстух,

В мужей без измены.

Тот красен петух –

Как стяги – как стены

В иных городах...

Замка не затронув,

Посмотрим, как здрав

В добротных хоромах

Своих – бургомистр.

* * *

Домовит, румянист –

Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седмица –

Бургомистрово чело.

Что же мнится? что же снится

Бургомистру? Ни – че – го.

Ничего (как с жир-горы

Пот-то!), то есть: бюргеры.

Спи, жирна, спи, верна,

Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.
Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,
Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей – бюргерши.

Той – пропавшей без вести,
Этой – Цезарь рядышком...
Женщине ж порядочной
Ничего не грезится.

Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дочь.

Соломонова пшеница –
Косы, реки быстрые.
Что же мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?

Запахи, шепоты...
Все – и еще что-то!

НАПАСТЬ
(Глава третья)
Тетки-трещотки,

Кухарки-тараторки,
– Чепцы, кошёлки –
Бабки-балаболки.

– Сала для лекаря!
– Трав для аптекаря!
– Свежего, красного
Легкого для пастора!

– По – следней дойки!
Девки-маслобойки.

Стряпки-мясорубки.

– Счастья, здоровья,

Сил на три месяца!

– Свежих воловьих

Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,

Торговки-горлодёрки

– Кофты на байке –

Хозяйки-всезнайки.

– Све – жая требуха!

– Жи – вого петуха!

– Масляна, не суха!

– Сёрд – ца для жениха!

– Сливки-последки!

Соседки-добросердки.

– Свежего! с ледничку!

Советницы-сплетницы.

– Взвесь, коль не веришь!

– Жарь – не ужарится!

– Гу – синих перьев

Для нотариуса!

– Ó – вощи да с гряды!

– Só – вести для судьи!

Кур – ки-цесарки,

Невесты-перестарки,

Свежи, с постельки

Вдовицы-коротельки.

– Мни, да не тискай!

– Рдянь – не редиска!

– По – лушка с миской!

– Мозгов для бургомистра!

– Чтó хотите, то берите!

Подолы, капорá.

Поварихи-разберихи,

Румяные повара.

Но – сы приплюснутые:

– Чего бы вкусенького?

Ла – дошки – ширмочками:

– Чего бы жирненького?

Выловить.

Выудить.

Выведать.

Выгадать.

– Всé чехлы посняли с кресел!

– А гостей! А гостей!

– Нынче пекарева крестят!

– Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.

Один в трахоме

Глаз, другой – пенится.

Сидни-кофейницы.

– Женишка-то, чай, постарше!

– А наряд! А наряд!

– Говорят, что у почтарши...

– Говорят... Говорят...

Язвы-шнырялы,

Кляузы-обмиралы,

– Нá площадь сор неси! –

Козни-цикорницы.

– Нацепил зеленый галстук!

– Ловелас! Ловелас!

– Мясник с тещей поругался!

– А у нас! А у нас!

Ред – ко – сти...

Хит – ро – сти...

– Кхе-кхе-кхе...

– Кхи-кхи-кхи...

– Бургомистрова-то Грета!

– Не того! Не того!

– Третью ночь сидит до свету!

– Каково? Каково?

– Свечку жжет...

– Век свой жжет...

– Счастья ждет...

– В гроб пойдет...

– Скатертей одних – с три пуда!

– Чай, одна! Чай, одна!

– Ни за кем, отцу, не буду.

– Не жена! Не жена!

– Грех-таки...

– Стыд-таки...

– Кхе-кхе-кхе...

– Кхи-кхи-кхи...

– Поглядеть – одне костяшки...

– Не в соку! Не в соку!

– К нам на кашку! К нам на чашку

Кофейку! Кофейку!

Клуб

Женский – закрыт:

Суп

Перекипит.

* * *

Город грядок

Гаммельн, нравов

добрых, складов

полных –

Мера! Священный клич!

Пересмеялся – хнычь!

Перегордился – в грязь!

Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.

Переовечил – хлев,

Перемонаршил– бунт:

Zuvieľ ist ungesund.[10]

В меру! Сочти и взвесь!

Переобедал – резь,

(Лысина – перескреб),

Перепостился – гроб,

Перелечил – чума!

Даже сходи с ума

В меру: щелчок на фунт:

Zuvieľ ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:

Перезлословил – плеть,

Но и не переглядь!

– Только не передать! –

Не пере-через-край!

Даже и в мере знай –

Меру: вопрос секунд.

Zuvieľ ist ungesund.

В меру! Im rechten Mass![11]

Верный обманет глаз.

В царстве – давно – химер –

Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!

Вот он, разумных лет

Лозунг, наш тугендбунд.

Zuvie] ist un –

Не красоты одной – сало, слышишь? –

Вреден излишек.

Переполнения ж складов – рисом –

Следствием – крысы.

Саго, и сала, и мыла – в меру,

Господи, даруй!

Так и гремит по всему базару:

«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много

Чтоб, и не мало.

Так и гудит по живому салу:

«Склады-завалы». [12]

К вам, сытым и злым,

К вам, жир и нажим:

Злость сытости! Сплёв

С на – крытых столов!

Но – в том-то и гвоздь! –

Есть – голода злость.

Злость тех, кто не ест:

Не есть – надоест!

Без – сильных не злобь!

(Кры – синяя дробь).

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Злость тех, кто не сыт:

Се – годня рысит,
А завтра – повис.
(Кры – синая рысь).

(Скороговорка):

Не сыт и не спит,
(Крысиная сыпь),
По сытеньким – прыг,
(Крысиная прыть).

Дом. Склад.
Съе – дят
До – крох.
(Крысиный горох).

Зря – крал,
Зря – клал,
Зря – греб
(Крысиный галоп).

Глав – глад –
Крысиный набат.
Глав – гвалт –
Крысиный обвал.

Куль! Рвись:

Глав – крыс!

* * *

А над кулём-то, а над мешком-то –

Точно над трупом!

И перекачивается круто:

«Крысы да крупы».

(Твой зуб,
Главкруп!)

Докраснобайствовались, мессии

Низшего класса!

Так и свистит по живому мясу:

«Крысы-запасы!»

(Твой всхлѣст,

Главхвост!)

* * *

– Присягай, визжат, главглоту!

– Взяли склад, дай им глаз!

– Всю ночь топали, как рота!

А у нас! А у нас!

– Ушки! Замашки!

– Занды[13] карноухие!

– Всѣ-то бумажки

Взрыли, перенюхали!

– Присягай, визжат, главблуду!

– Думал – горсть, смотришь – рать!

– Самого, визжат, на блюде

Бургомистра подать!

Эка крúговерть

Карноусая!

Все-то пуговицы

Пообкусывали

Штанные!

– Schande! [14]

– Schande нам!

– Банды!

– Мастерá – усы-то салить!

– Ты им: ой! они: бей!

– У нас Библию: на палец,

Дескать – сала на ней!

– Ух, бессовестные!

– Ух, нахрапистые!

Всё-то соусники

Перепаковали!

– Не спасут, визжат, молебны!

– Ты им: Gott![15] они: глав!

– Весь по буквам судебный

Растащили устав!

– Ух, нахрапистые!

– Ух, обшарпанные!

Все-то сахарницы

Пообхаркивали!

– Целый мир грозятся стрескать!

– Солнцеверт! – Мозговрат!

– Из краев кант-то русских,

Кораблем, говорят.

– Граждане!

К спайке!

Schande нам:

Шайки!

Ни торгов от них, ни сна нет:

Ты им: ррраз! они – сто!

«Голов сахарных не станет, –

А купецки на што?»

– Мало этого-то:

Рукой писанные

Всё-то летописи

Поо –

– Присягай, визжат, главсвисту!

– Уж и стыд! Уж и страмь!

– Не совсем, с лица, на крыс-то...

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Да уж крысы ли впрямь?

– Лысины!

– Пасмы!

– Слыхано ль?

В красном!

Предиковинный сорт!

Ты им: Бог, они: черт!

Скок – на башенный шпиц!

Ты им: Herz, [16] они: цыц!

Ты им: чин, они: чушь!

Ты им: пиль! они: куш!

Ты им: стой! они: при!

Ты им: три! они:

– пли!

Коль не бос – кровосос,

Коль не бит – паразит,

– А язык!

– А язык!

– А язык!

– А язык!

У нас: Brot, [17] у них: прод,

И язык не берет!

Думал: сдох, смотришь: прет, –

И мышьяк не берет!

У нас: взлом, у них: Ком,

У нас: чернь, у них: тёрн,

Наркомчёрт, наркомшиш, –

Весь язык занозишь!

В новый мир, дескать, брешь:

Не потел – так не ешь,
Не пыхтел – так не ешь,
Не пострел – так не ешь.

До поры, дескать, цел:
Не потел – под расстрел,
Не хотел – под расстрел,
Не пострел – под расстрел!

(Тоном обвинительного акта):

В воровстве.
В кумовстве.
В шельмовстве.
В колдовстве.

(Тоном заговора):

– Все мы белые?
– Все.
– В чем же дело?
– В словце.

(Силясь выговорить):

Не терял.
Начинал.
Интеграл.
Интервал.

Наломал.
Напинал.
Интерна –
цио...

– Сказок довольно!
Слушать герольда!
Всех, кто отчизне – сын,
Оповещаю сим...

Не углубляясь в частности:

Гаммельн в опасности!

Горний и дольний!

Слушать герольда!

Всё и семижды всё,

Знайте: на волоске

– Вот уже рвущемся –

Наше имущество,

Слава и класс,

Граждане, глас

Девы, словес не тратящей:

Постановление ратуши:

«Будь то хоть бес, хоть жид,

Тот, кто освободит

Город от тьмы крысиной,

В дом бургомистра – сыном

Вступит – прошу понять:

Сын означает: зять.

(Треск барабанный.)

В Гаммельне... анпо

Domini...». [18]

* * *

В тот же час – вините будочника:

Что ж он не усторожил?! –

В город медленно входил

Человек в зеленом – с дудочкой.

УВОД

(Глава четвертая)

– Ти-ри-ли –

– По рассадам германской земли,

– Ти-ри-рам –

По ее городам

– Красотой ни один не оставлен –

Прохожу,

Госпожу свою – Музыку – славлю.

Нынче – здесь,

Да и то половинку, не весь!

– Ти-ри-рам –

Завтра – там,

И хотя повсеместно обóлган –

Стар и мал,

Равнодушно никто не внимал

И никто не отказывал в долгом

Взгляде – вслед.

Только там хорошо, где нас нет!

– Сердцелов! –

Только там хорошо, где ты нов:

Не заведом, не дознан, не вызван.

«Прижились», –

Эта слизь называется – жизнью!

– Переезд! –

Не жалейте насиженных мест!

Через мост!

Не жалейте насиженных гнезд!

Так флейтист, – провались, бережливость!

– Перемен! –

Так павлин

Не считает своих переливов.

– Ти-ри-ли!

Провалитесь, мешки и кули!

– Ти-ри-ли! –

Проломитесь, мучные лари!

Вместо гаммельнских – флейта не ферма! –

– Переступ –

Лип и круп,

Есть индийские пальмы и перлы.

Перелив.

Человек не ключарь кладовых!

Половик,

Червь, а не человек – тыловик!

Это – Гаммельн, а есть Гималаи:

Райский сад.

Так да сяк –

Этот шлак называется – Раем!

Оторвись!

По дорогам цветет остролист!

Отвались!

По оврагам цветет барбарис –

Кисловатый.

Лишь бы сыт!

Этот стыд называется: свято.

Крысы, с мест!

Не водитесь с сытостью: съест!

Крысы, с глаз!

Осаждаемый сытостью – сдаст

Шпагу...

О крысоловах злословят!

Дело слов:

Крысо-лов?

Крысо-люб: значит любит, коль ловит!

Крысы, в...

– Што ж мы?

– В чем дело ж?

– Тошно!

– Приелось!

– Вкусно ж, –

В чем тайна?

– Скушно:

Крайне.

Без борьбы человек не живет.

– У меня отрастает живот:

До колен, как у царских крыс.

– У меня – так совсем отвис.

– Без борьбы человек не жилец!

– У меня разминулся жилет

С животом: не разлад, а брешь.

– У меня объявилась плешь.

– Житие – не жысть!

– Разучился грызть!

– Не поход, а сласть!

– Разучился красть!

– Утром – булки, не меньше двух.

– У меня пропадает слух.

– У меня пошатнулся зуб.

– У меня остывает зуд

В зубах...

– Без слуги не влезаю в башмак...

– Есть такая дорога – большак...

– Без борьбы и овраг – острог...

– Хорошо без сапог!

- Не поход – погост.
- У меня отсыхает хвост.
- В полдень – клёцки, не меньше трех...
- У меня – так совсем отсох.

- Без обид, без злоб...
- Назревает зоб...

– Чуть обут-одет –
Уж опять обед
Из трех блюд...

- Знали б – за версту обошли б!
- Помнишь странную вещь: башлык?

Сшиб да стык,
Штык да шлык...

- Без слуги не влезаю в обшлаг...
- Есть такая дорога – большак...
- В той стране, где шаги широки,
Назывались мы...

- Больше сил моих нету: пасс!
- У меня заплывает глаз.
- У меня опадает слог.
- У меня – так совсем затек

Мозг.

- В Москву! – В Карлсбад!
- У меня оседает зад.
- У меня, по утрам, прострел.
- У меня – так совсем осёл
До земли...

- Лыжи – и к Богу!
- Грыжа!

– Изжога!

Свыкнись –

И крышка!

Сытно –

Слишком.

– Три денька таких – и готов!

– Начинаю любить котов

И купцов...

– Заушат – прощу.

– Завтра дочку свою крещу:

Мне-то – всё одно, ну, а ей –

Ей – целей.

– Не бивак – насест!

– У меня пропадает жест.

ФЛЕЙТА:

Где-то Инд...

– Начинаю вдаваться в винт.

– Различать твое.

– Запирать белье.

– Без штанов махал! –

Начинаю вводить крахмал

В туалет.

– Самолично вощить паркет.

– Господа, секрет:

Отвратителен красный цвет

Мне.

– Нам всем!

– От стыда засыпаю в семь.

– Недурен наезд!

– Начинаю бояться мест

Под мостами.

– Масс.

– Материнских глаз.

– Ну а я – стрельбы!

– Отчего у дворян гербы, –

А у нас...

Гладко, –

Как шваброй!

– Взятки!

– Подагра!

– В трюм бы!

– В гром бы!

...Тумбы.

...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

ФЛЕЙТА:

Пе – ре – корм.

– Всё назад чуть съем.

– И естественно: после схем,

диаграмм – да в склад!

– Обращение камерад

Устарело. Ввиду седин

Предлагаю вам господин...

Господин гражданин...

Для... форм.

ФЛЕЙТА, настойчиво:

Перекорм.

Пересып.

Ели б досыта – не пошли б,
Спали б домертва – не прошли б
Ни километра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:
Перепев.

Пересест!
Не жалеете насиженных мест!
Перемен!
Не жалеете надышанных стен!
Звёзд упавших – и тех не жалеете!

Мертвым – мир.
Выход в мир
Вот по этой по самой аллейке, –

Чуть левей.
– У меня пятьдесят сыновей!
Как один.
– У меня проржавел карабин.

– Полно – залежь.
Их – по рвам!
– Без программ
Из амбара – да в Индию?!
– Брали ж

Перекоп!
Не искали ж протоптанных троп
На Москву!
– К черту всю

Быль с ее трехсотлетними Lind'ами! [19]

Напролом!

– У меня недостроенный дом!

– Строим – мир!

– У меня недоеденный сыр!

– Выше носу же не переплюнешь!

ФЛЕЙТА:

Переплюнь!

В синь! в июнь!

В новизну! и к тому – новолунье ж!

Чтоб шагать молодцом –

Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак –

Выступать натошак!

– Да здравствует полк!

Клыков перещелк.

Довольно с нас круп!

Курков перещуп.

..Сала и масла гарного!

Да здравствует красная...

– Крысы, марш!

Нам опостылел домашний фарш!

Свежесть, которой триста

Лет – не свежа уже! Шагом, марш!

Кто не прокис – окрысься!

Нам опостылел молочный рис!

Погорячее в ранцах!

Три миллиарда индийских крыс

Ждут, лихорадочные рои
Крысьего штурм унд дранг'а!
С кошками мускусными бои
На побережьях Ганга

Ждут. Не до слоек, не до колбас
Гаммельнских, венских, пражских!
Мы – на вселенную! Мир – на нас!
Кто не пропах – отважься!

Вот оне, слойки!
Сдвинься, стройся!

Вот они, смальцы!
Щерься, скалься!

Ни крупинки не припрятавши –
Шагом, шагом мимо ратуши!

Чванься! пыжься! высься! ширься!
Мимо рынка, мимо кирки.

Мыслью – вестью – страстью – выстрелом –
Мимо дома бургомистрова.

А на балконе...
Ах! а с балкона...
Вроде ожога...
Вроде поклона...

Вроде Шираза
Щёчного – тссс...
Кажется – розу
Поднял флейтист?

(дело вежливости!)
Не задерживаться!

Не оглядываться!

Вот он, в просторы – лбом,

Города крайний дом.

* * *

– Око – ём!

Грань из граней, кайма из каём!

«Отстаем», –

Вот и рифма к тебе, окоём!

Скороход

В семитысячемилевых, флот,

Обогнавший нас раз

Навсегда – дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!

Растопляющий всякую явь –

Аки воск, –

Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!

Синим по синю (восемь в уме),

Как по аспиду школьной доски,

Давшей меру и скорость тоски:

Окохват!

Ведь не зря ж у сибирских княжат

Ходит сказ

О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж

Эта жгучая женская блажь

Орд и стай –

По заглатывателю тайн.

Окоим!

Окодер, окорыв, околom!

синё око твое, окоём!

Вышед в вей,

Допроси строевых журавлей,

В гаолян –

Допроси столбовых каторжан!

– Он! – За ним?

– Он же! – Ну а за? – Он же...

– Джаным!

Здесь – нельзя.

Увези меня за

Горизонт!..

* * *

– Шел или спал?

– Штиль или шквал?

– Рус или сед?

– Наш ли уж свет?

– Дали не те!

– Ели не те!

– Горы не те!

– Гулы не те!

– Наш или тот?

– Час или год?

– Год или три, –

Сколько же шли?

– Даль не та!

– Пыль не та!

– Синь не та!

Тень не та!

– Плыл или мчал?

– Гаммельн? Квартал.

– Гаммельн? Проспал.

– Гаммельн? Читал

В сказке.

– Весьма не новая

Сказка: левей Ганновера.

– Лес не тот!

– Куст не тот!

– Дрозд не тот!

– Свист не тот!

– Юн как Ахилл!

– Гаммельн? Гостил!

– Гаммельн? Простыл!

– Гаммельн? Учил

В книжке, покамест тамбуром

Тетки...

– С меня, так Гамбурга

Хватит!

– Вздох не тот!

– Ход не тот!

– Смех не тот!

– Свет не тот!

Синь, а не бел!

– Гаммельн? Пробел.

– Гаммельн? Прозрел:

Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном

обществе: гаммелbraten.[20]

Славный кусок!

– Гаммельн? Дай срок!

– Гаммельн? Заскок!

Мозга.

– Вниманья требую:

Гаммельна просто не было:

Пыль.

Мель.

Моль.

Нуль.

Наша соль – пыль от пуль!

Наша быль – рваный куль!

Пусть злее чумы, –

Всё ж соль земли – мы!

Наша кровь – та же смоль!

Раз кровь – кровью смой!

Пусть ропщут умы, –

Всё ж кровь земли – мы!

Наша дробь – та же трель!

– Эй, раб! Влево цель!

Пав ниже земли, –

Всё ж цвет ее...

– Говорю вам: не те холмы!

– Не Германия!

– Много далее!

– Не Германия!

– И не Галлия!

– Одурманены!

– Знай да захивай!

– Не Германия!

– И не Влахия!

– Тише тихого!

– Дольше длинного!

Коль не Скифия,

Значит...

– Индия!

ФЛЕЙТА:

Индостан!

Грань из граней, страна из стран.

Синий чан –

Это ночь твоя, Индостан.

Здесь на там

Променявший, и дай на дам,

Гамма гамм,

Восходящая прямо в храм.

Рис, маис,

Промываемый девой из

Кув – шинá:

Тишина твоя, Индостан.

Как стрелок

После зарослей и тревог

В пушинú –

В тишину твою, Индостан –

Человек...

* * *

– Пагоды куполá!

– Что-то синим-синё!

– Рисовые поля!

– Пальмовое вино!

С первоначальных бед,

С первоначальных дрём

детский и крысий бред

Сахарным тростником.

Миру который год?
Миру который миг?
Перец, в ветрах, цветет!
Сахар, в ветрах, шумит!

Не целина – шагреня!
У синевы налет
Сливы. – Четвертый день
И никоторый год.

Смол
Гул.
Вол.
Мул.

Не полотно – резня
Красок. Дотварный ил.
Творческая мазня
Гения. Проба сил
Демона. В первый раз
Молотом о кремень.
Миру четвертый час
И никоторый день.

Де – вы
Ганга!
Древо
Манго!

Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик
Твари. Вперись, поэт:
Миру четвертый миг!

Час предвкушаю: смяв
Время, как черновик...

Ока последний взмах –
И некоторый миг

Миру...

СТАРАЯ КРЫСА:

Так-таки и зудит!
Что-то – будто бы – точно – вид
Этой местности мне знаком.
Чем-то пагода на закром

Смахивает...

– Тюрбан! Брамин!

СТАРАЯ КРЫСА:

Что́ за Индия, где овин
На овине...
– Бомбей! Базар!
Дервиш с коброю!

СТАРАЯ КРЫСА:

– И амбар
На амбаре...
– Дворец раджи!

СТАРАЯ КРЫСА:

Вот так тропики в поле ржи!
Черным по́ белу, по складам:
Пальма? Мельня. Бамбук шлагбаум.
Кондор? Коршун. Маис? Горох.
Мы от Гаммельна в четырех
Милях, – горсточка, а не полк!

ФЛЕЙТА:

Кривотолк!

Рвите шкурника, чтобы смолк!

Крив и кос

Тот, кто в хоботе видит нос

Собственный и в слоне – загром.

Крив и хром.

(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижи

Хроматические гаммы лжи!)

Лжец и трус

Тот, кто в будущем видит – гуз,

Мертв и сгнил

Тот, кто, идучи, видит тыл

Собственный, и в просторах – порт.

Переверт!

Передёрг!

Верьте Музыке: проведет

Сквозь гранит.

Ибо Музыки – динамит –

Младше...

– Все на единый фронт:

Горизонт!

– Озеро!

– Яхонт!

– Розовым

Взмахом

– Видишь? –

Самим бы!

Ибис!

Фламинго!

СТАРАЯ КРЫСА:

Синее – топит!

– Зеркало тропик!

Кротость –

В сапфирах!

Лотос!

Папирус!

В воду –

Как в спальню.

Озеру –

Пальмы

Низкопоклонство.

– Смоем!

– Напьемся

Соком лотосовым: покой.

ФЛЕЙТА:

Водопой!

Дальним – варево и постой.

Спят и пьют.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это – пруд

Гаммельнский: триста лет, как сгнил!

ФЛЕЙТА:

Кро – ко – дил!

– Сбудется!

– Близится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Лужица!

Жижица!

– Шелком ластится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Головастики!

Безголовым и главарю:

Головастики, говорю!

ФЛЕЙТА:

Словарю –

Смыслов нищему корчмарю,

Делу рук –

Кто поверит, когда есть звук:

Царь и жрец.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это лжец,

Лжец, агент!

ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка – инструмент!

СТАРАЯ КРЫСА:

Trug und Schand! [21]

ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка – музыкант!

Обособь!

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это топь,

Гать!

ФЛЕЙТА:

Пусть так!

Лучше Музыка, чем мышьяк.

СТАРАЯ КРЫСА:

Смерть!

ФЛЕЙТА:

Что в том?

Лучше озеро, чем закром,

Сплыл, чем сгнил!

Тина? Полно! Коралл! Берилл!

Изумруд...

Ведь не в луже, а в звуке – мрут!

Что́ тело? Тени тень!

Век тела – пены трель!

Нир – вана, вот он, сок!

Ствол пальмы? Флага шток.

В мир арок, радуг, дуг

флагштоком будет – звук.

Что́ – руки! Мало двух.

Звук – штоком, флагом – дух.

Есмь: слышу! («вижу» – сон!)

Смысл выше – ниже тон,

Ни – жайший. Тела взмёт,

И – тихо: нота нот.

Воздух душен, вода свежа.

Где-то каждый из нас раджа.

(В смерти...)

С миром глаза смежи...

– Этой Индии мы – раджи!

* * *

Раджа на радже!

Никто и нигде:

Круги на воде.

В РАТУШЕ
(Глава пятая)
Тайные, статские –

Здравствуйте, ратсгерры!

Старого Гаммельна

Стены избавлены

От даровых жильцов.

Праздник котлов,
Шествие протвенеи, –
Крысы утоплены!

Не был Цезарем бы –
Стал бы поваром бы...
Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!

Дням беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады – от хищников,
Головы – от идей.

В скóвороду – бей!

Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,
– Цукром с цикорием –
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.

Праздник кастрюль.
Ратсгерры, дожили:
Крысы уложены.

Сладко ль, солоно ли –

Делать нечего
Вам – исполненное,
Мне – обещанное.

Трепеток.
Шепоток.
Раты – вкось,
Герры – в бок.

Щеки – мак,
Брови – еж:
– То есть – как?
– То есть – что ж?

(Полка с мопсами
В лавке глиняной!)
– Что же – собственно?
Что же – именно?

– Ясно и точно, без некто и где-то:
В собственность деву, по имени Грета.

– Грету? Не Греты у нас и нет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.

Ганс или Грета. Не Грета – Ганс.
За валунами в реку –
В Гаммельн за Гретами. Контраданс:
Коли не Ганс – так Грета.

Выйдет тебе
Суженая!
Выводками!
Дюжинами!

Не косорукий, да не слепой –

Уж себе Грету сыщешь!

Яминка – всё на один покрой! –

В ямку и прыщик в прыщик.

Оспа в оспину,

Чутка в чуточку.

Чью же собственно

Грету?

– Шутите!

Чью же, думали, высвистывал

Грету – как не бургомистрову?

Кипяток.

Топотёж.

Раты в скок,

Герры – в лёжь,

Раты – в ик,

Герры – в чих.

– И шутник!

– И жених!

Сто кабанов захрюкало:

Заколыхали брюхами.

– Ой насмешил! Утешил же!

Заполыхали плешами.

– В эдаком фартучке

Девоньку?

– Так-таки.

– С кóробом почестей

Девоньку?

– В точности.

Раты – в фырк,

– Ну и франт!

– Ну и ферт!

Очи – в узь,

Щеки – в глянец.

– Ну и гусь!

– Ну и Ганс!

С кузовом сéребра –

Девоньку?

– Сеяли!

– Полную житницу

Девоньку?

– Жните же!

– Нотный тюк!

Штанный клок!

– Ну – супруг!

– Ну – зятек!

Уж и шустр!

Уж и быстр!

Ржет без чувств

Бургомистр.

– Наспех, да наскоро

Свадебку?

– Ратсгерры!

– Первую в городе

Девушку?

– Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,

Тот, кто освободит

Город – хоть слеп, хоть спятил! –

В дом бургомистра зятем
Вступит, в графу особ
В городе – первых»...
– Стоп!

Не в хороводе, небось, дуда, –
В думе! Шажком! Анданте!
Только про беса и про жида,
Где же про музыканта

Сказано?
Как завершен обряд –
Милости просим, брате!
Всяк музыканту на свадьбе рад –
Только не в роли зятя.

За музыканта! за нотный крюк!
Звук! – флейтяную дырку!
Где ж это видано, чтобы вдруг
Да с музыкантом – в кирку?

За музыканта! За нервный ком –
Дочку! милей ковач мне!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотным – на ложе брачном!

За музыканта! за голый боб!
Может – в краях незнамых –
Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкантов – замуж!

– Чтó есть музыка? Щebet птах!
Шутка! Ребенок сладит!
– Что есть музыка? – Шум в ушах.
– Увеселенье свадеб.
– Беспоследственный дребезг струн.

– Скука и крики браво.

– Что есть музыка? Не каплун,
А к каплуну – приправа.

– За – бывается: молод был –
Сам загибал преловко!

– Мешанина из бычьих жил,
Дерева и сноровки.

– Околпачивающий пар.

– Нет! Музыкантов кормим
Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.

– Полегонечку – за пивцом –
Да чтобы женский пол был...
Две-три арийки перед сном...
Только не очень долго.

– Что есть музыка? с первых нот:
«что бы вам, братцы, кончить?»

– Ну а я так – наоборот:
Только бы что погромче,
Побасистее!

– Рано встав,
Да коли восемь ртишек...
– Превышение всяких прав.
Гетто: себя не слышишь!

– Музыка? Гриф
С лентами.

– Шлиф.

– К зёву позыв,
– Так... перелив...

– После сольцы – пирожное...

– Из пустоты – в порожнее...

– Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.

Аффектация неких чувств,
Коих и нету. Хам, мол, –
Кто не чувствует.

– Как ни тщусь
Что-либо, кроме гаммы –

Беспоследственно.

– Факт есть факт:
Музыка есть антракт.

– Рукоделие праздных дур.
Что до меня – так стойко:
Пуще всяческих увертюр
Мне по нутру – настройка

Перед оными.

– Фонд есть фонд.
Музыка есть афронт –

Смыслу здравому. Вящий вздор,
Нежель чулок с ажуром.

БУРГОМИСТР:

Выше-высказанное – вздор.
Истина есть. Скажу вам.

Думали – гриф
С лентами? Шлиф?
К зёву позыв?
Так... перелив –

Музыка? Тиф –
Музыка! Взрыв!

Жил перерыв!

За головню – да голыми –
Хвать! Из огня да в польмя!

Пострашнее, чем шум в ушах,
Грезы, глаза зажмуря.
Музыка – это банков крах,
Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На Рождество предместий.
Quatuor[22] четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.

Рабской сущности унтергрунд –
Музыка – есть – бунт.

Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.
Не невеста: – клоком – фата!
За фортепьяно – ведьма!

Лучше шулера пощади,
Чем музыканта! Дрема –
В креслах? Бесы на площади
Думской–и бесы в доме!

Женской сущности септ-аккорд –
Музыка – есть – черт.

Лупоглазого школяра
В пасмах – кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ca ira![23]
Ратсгерры, вот вам гамма!

В оперении райских птах
Демоны: stirb und tödte![24]

Что есть музыка? Тайный страх

Тайного рата Гёте –

Пред Бетховеном.

Брови – вверх,

Краска – в нос.

Раты – в перх,

Герры – в чёс.

Раты – в крёхт,

Герры – в чох.

– С нами фохт!

– С нами Бог.

Только, талант непризнан,

Ратсгерр от Романтизма,

Новорожденски-розов

и Филомелой прозван:

«Музыка в малых дозах –

Это не так серьезно».

Бурго-же-мистр, величав и льдист:

– В вас говорит артист.

РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

Tempi passati! [25]

БУРГОМИСТР:

Ратсгерры, сядьте!

Шутки – за рюмкой.

Думсгерры, думьте!

Можно ли – непостижим Господь –

За музыканта – плоть

Нашу?

* * *

В городе – впрочем, одна семья

Гаммельн! И так, в семействе

Гаммельнском – местоименья «я»

Нет: не один: всё вместе.

За исключением веских благ

Я – означает всяк.

Славное слово, и есть в нем прок:

всяк! Так и льнет шубейкой!

Автору же этих скромных строк

– Озолоти! убей хоть! –

Только одна в нем – зато моя! –

Буква понятна: я.

Необоримая! Так алмаз

жив в черноте пожара.

Неповторимая! Что есть аз?

Что́ не бывает парой.

На языке невозвратных рас

Аз означает: раз.

(Азры...)

В городе Гаммельне лишь азы...

Впрочем, язык прикусим.

Страшное слово! Страшней грозы

В полночь, гостей за гусем:

я! (в пожирающем большинстве

я означает – всё).

Как у соседей! как у людей!

Не мое дело – всё так!

Автору же, ясновидцу лжей,

Оку – из самых светлых,

Только одна в нем – прошу понять –
Буква доступна: ять.

я: нагруженная по края

яблонь: снимай не снимешь!

В Гаммельне ж – вместо имения: я –

Мы – лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын –

С буквы когда – в аршин!

(Право гигантов!)

– За музыканта?

Это пикантно!

Это пикантно!

Время – пропало!

Место – пространство!

– За зубоскала!

– За голодранца!

– Без будущего!

– За дудочника!

В доме – гнусь.

В лавке – долг.

Черный гусь!

Белый волк!

С крыши – душ,

В спальне – шtrand.

– Кто ваш муж?

– Му – зы – кант.

Рук – вместо платы,

Плеск – вместо мяса.

– За звездохвата!

В грезы да в планы

Первенца кутай.

– За великана!

– За лилипута!

– За опусника!

– За фокусника!

Вечный иск!

Всё в ломбард!

Крысий писк

Квинт да кварт.

Деток – кладь.

Geld ist sand. [26]

– Кто ваш зять?

– Му – зы – кант.

Дудка! для этого нужен дых

Дюжий, – весь день дудишь-то!

Не затруднительно в молодых

лэтах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники

Чистить. В слепцы, с жестянкой?

А неоплатные должники –

Всё они музыканты!

Ратсгерры белым

Полнятся гневом:

– Первую в целом

Городе – деву?

Первому? – браво!

Встречному? – ново!

– За крысодава?

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– За крысолова?

– Бессахарника?
– За каторжника!

Общий ров.
Гроб в обрез.
Ни венков.
Ни словес.

Помер – преи.
Unbekannt. [27]
– Кто был сей?
– Му – зы – кант.

Сомущены – в сумятице –
Глазки, обычно в маслице,
Губки, обычно бантиком,
Ратсгерра от Романтики:

– «В городе Гаммельне вечных благ
Нет, хоть земных и густо.
Гения с Гаммельном – тот же брак,
Что соловья с капустой.

К Розе приписана соловью
Страсть. Изменив пенатам,
Над соловьем моим слезы лью,
А соловей – женатый!

Гения с Гаммельном – где же такт?
Вкус? – не в родстве! не в тоне!
Невразумительней есть ли факт,
Чем соловей – в законе?

Брак – это за́ борт: засесть, залечь,
Закись – тюфяк – свинина..
Не небожителя слышу речь,

Сам в бургомистровы рад бы влезть
Туфли – так я – предместье!
Но небожителю – что́ за честь
Звать бургомистра – тестем?

Многозначителен – так красив,
Высокосерд – так знатен.
Миродержателя сыном быв,
Стать бургомистра зятем?

Кухонку?
Куколку?
Кольчико?
Только-то?

Что не для лириков – Гименей,
Вам и ребенок скажет.
Остепенившийся соловей –
Недопустимый казус!

Коль небожители в царстве тел –
Ни лоскутка на дыры
Вам, ибо правильный был раздел
Благ при начале мира:

Нам – только видимый, вам же весь
Прочий (где несть болезни!).
Коль божество, в мясники не лезь,
Как в божества не лезем.

Вам – миродержествовать, нам – родить:
Здесь близнецы, там тройня.
Но музыканту счастливым быть –
Пóпросту непристойно!

Так предоставьте же сладкий кус

Ваша амброзия слаще уст
Женских, и чище – нэктар.

Иерофанты в грязи колес,
Боги в чаду блудилищ –
Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите – чтоб мы плодились!

А бургомистрову дочку – план
Дольний – другим заменим.
Впрочем, в подобных делах профан
И ожидаю мненья

Следующих...»

Поразрумянился весь совет,
Лбищи понапружили.
В Гаммельне собственных мыслей нет,
Только одне чужие.

Не мудрено: на земле живут,
Не в облаках витают.
Да и чужих не сказать, чтоб пуд, –
Только одна, и та ведь

Авторская... Шепоток вдоль стен:
«что́ бы ему взамен?»

– что-нибудь нужное!
Удочку! Дюжину
Недорогих носков!
– Туфельку для часов!
– что-нибудь на́ стену!
Краскою масляной
Кайзера на коне!
– Дело ведь не в цене!

– Нотную папочку!
– Тросточку! На́ плечи
Что-нибудь из тряпья!
– Кисточку для бритья!

– Так себе – чуточку!
– Штучно! – Посуточно!
Не при дворе ж! в глуши!
– Главное – от души!

– Самую капельку!
– Крохотку! – Крапинку!
– Каб налицо – сюртук,
я б предложил – утюг:

Прочно и дешево!
– Главное – пошибом
Взять: для подобных бар
Жест – наилучший дар.

Прочее – дорого.
– Дешево – здорово!
Без роковых затрат,
В дельности – аттестат.

Деньги – безвкусица!
Каперцы, устрицы, –
Не диабет – нефрит.
– Гений мечтами сыт.

Доброе мнение –
Вот она, гению,
Плата: кошель похвал.
– Смертный дороже б взял.

Стало быть – аттестационный лист.

РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

– Эврика! В руки бейте!
Коль по призванию он – флейтист,
Значит – футляр на флейту!

Раты – в плёск,
Герры – в хлоп.
– Ну и мозг!
– Ну и лоб!

Geben – frisst,
Leb' heisst spar'...[28]
Раз флейтист –
Так футляр.

– Слажено! – Сложено!
– Замшевый! – Кожаный!

– Для музыкальных душ
Так же приятен плюш.

– Стало быть – плюшевый!
– Ратсгерры, кушанье
Стынет. – Коль нежность – цель,
Так же нежна фланель.

– Главное – умысел!
– В траты не сунувшись,
Чтоб от души – к душе –
Так из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе
Прок был – у всех была бы.
А в переводе папье-маше –
жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!
Боги – а рты замажем!

Жвачкой, притом – бумажной.

– Чистой! без примеси!

– Принято! Принято!

– Хлопковой! Рисовой!

– Bravo! Подписано!

БУРГОМИСТР:

Не проскочил – в зятя!

Но, человека чтя

И в музыканте –

Ратсгерры, встаньте!

Девы, монет не тратящей,

Постановленье ратуши:

Гаммельн – не в царстве душ.

Раз музыкант – не муж,

Раз музыкант – не зять.

В названной отказать

Девушке. (В царстве цен!)

И предложить взамен

Нечто из царства чар:

На инструмент – футляр.

Жвачно-бумажный.

Ибо́ не важно –

что́ – («вещество – лишь знак».

Гёте) – а важно – как.

Тих как мех.

Тих как лев.

Губы в смех.

Брови в гнев.

Выше звезд,

Выше слов,
Во весь рост –
Крысолов.

«Раз музыкант – так мот.
Дудки не бережет
Дудочник. Треснет – свистнет,
Чехолоненавистник
Он – и футлярокол.
Раз музыкант – так гол.

Чист. Для чего красе –
Щит? Гнойники скрывают!
Кто со всего и всё
В мире – чехлы срывает!

Нехороша – так пнуть!
Чтоб просияла суть.

Не в ушеса, а в слух
Вам протрубят к обедне
В день, когда сбросит дух
Тело: чехол последний.

В день, когда станут – льды.
В душу – и без трубы.

Не в инструменте – в нас
Звук. Разбивайте дудки!
Зорче всего – без глаз
Видящий. Самый гудкий

И благодарный зал –
Грудь. Никогда не мал.

Не соловью беречь
Горло. (Три капли на́ ночь!)
Что до футляра – в печь!

Или наденьте на нос...

Ратсгерры! Долг и мзду –
Дочь бургомистра. Жду».

Зашушукали: шу-шу-шук...
«За каких-нибудь десять штук

жалких – благо бы крыс! – мышей!
Не видать как своих ушей».

Грета, Грета, попалась в сеть!
Легче уши свои узреть,

Нежель душу.

– Камыш, шурши!

Не видать как своей души.

ДЕТСКИЙ РАЙ
(Глава шестая и последняя)
Розан ал, студень гол,

А будильник – зол.

В школу! В школу! В школу! В школу!
Норд-Ост – в спину! Норд-Вест – в полы!

Не продравши глаз –
В класс! в класс! в класс!

Жарче шуб, слаще дынь –
А будильник: дзинь!

Разрывай-рывай глаза!
Спать нельзя! нельзя! нельзя!

Собирай-бирай мозги!
Тьма – ни зги! ни зги! ни зги!

Но – гами в чан!
Под кран! Под кран!

Не роман и не драма, – скушна весьма!

Из-под крана смывайте румяна сна!

Готы идут и гунны.

Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов – а мир был мал! –

Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл.

Гунн да галл.

(Спутал – влёт).

Галл да гот.

Гот да галл.

– Слишком мал –

Гунн да гот,

– Бутерброд.

Гунны – конные, ножки гнуты.

В фунте двадцать четыре фута.

Плюс на минус выходит – плюс.

Цезарь – немец.

Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.

– Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.

– Отосплюсь – просплюсь – просплюсь...

Буки – Аз –

В щелки глаз.

Сотней ос –

В ноздри, в нос.

Нá сто лет, нá сто мод –

Мой завод – завод – завод.

– Рухнет дуб, рухнет трон –
Заведен – ведён – ведён.

Сотни лет, сотни мод –
А что дальше будет –

Скажет тот, скажет тот,
кто будильник – будит.

Что́ есть час? что́ есть год?
Ведь и кратер глохнет!
Скажет тот, скажет тот,
кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,
А будильник – цел.

Были доли –
Выросли горы.
Нынче – в школу,
Завтра – в контору.

Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу...

Утомительней мошкары...
– Шко – ля – ры!

Что́ это? Новый звук!
Книги летят из рук
– Мимо – и прямо в печь.
Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз,
Сало упало в таз,
Мыло упало в суп –

Звуки! Звуки! Как из лейки!

Как из тучи! Как из глаз!

Это флейта, это флейта

Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!

Топот-притоп, топот пряд

– флейта, лей нам! флейта, пой нам! –

жеребят, козлят, телят.

Вольница.

Конница.

Школьники.

Школьницы.

Что ливень с суков,

что щебень с горы –

Со всех чердаков

Горох детворы.

Школьник? Вздор. Бальник? Сдан.

Ливня, ливня барабан!

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.

Щебня, щебня водопад!

Всплески! Всплески! Как из шайки!

Атлас, старься! Грифель, жди!

В роще – сойки, в роще – зайки,

В роще – белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,

Рты и глотки растворя,

Дикари миссионером

Заедают жития.

– Дет – во – ра!

Золотых вечеров мошкара...

Ди – ка – ри!

Голосистых прудов пискари...

Прочь из нор!

Мотылек – не сурок, не бобер.

Прочь из школ!

Ведь еще первоцвет не отцвел.

Есть у меня – не в службу, а в дружбу! –

Для девочек куклы, для мальчиков ружья,

– Глубокая ловля и быстрая гребля, –

Для девочек – иглы, для мальчиков – кегли,

На – ряд и доспех,

И – вафли – для всех.

Птичкам – рожица, рыбкам – озерце,

На всё особи, на всё возрасты!

Младшим – сладости, старшим – пряности, –

На всё тайности, на всё странности.

Блеск – больно глазам:

Эдем и Сезам.

Под родительскою крышею

Вы там-там бессонный слышали?

Под родительскою кровлею

Кто шербет блаженный пробовал?

Дом – тесный загон

Для львов и для жен.

Есть у меня – сказал, так в ладони! –

Для девочек лани, для мальчиков кони,

Плоды Соломона и розы Саади,

Для мальчиков – войны, для девочек – свадьбы,

Весь мир – нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все отметки!

Рыбкам – озерце, птичкам – лето, –
Уничтожены все предметы!

Рож – дественский стол
В древнейшей из школ.

– Говорят, что он в зеленом!
– Где ж он? – Я иду за звоном.

– Он в жару меня баюкал.
– Где ж он? – Я иду за звуком.

– Я за красною фатой.
– Я за старшею сестрой.

– Говорят, что рай – далёко.
– Я не выучил урока.

– Что-то боязно мне втайне.
– Я – за дальним. Я – за крайним.

– Я – чтоб детство наверстать.
– Не остаться. – Не отстать.

– За отчаявшимся кладом.
– Я – за славой. Я – за стадом.

– Все равно – домой нельзя уж!
Я – так за́ море! Я – замуж.

– Потому что в школе бьют.
– Потому что все идут.

– Ночевать хотел бы в сене.

– Я – за францем. Я – за всеми.

– Воевать хотел бы с львами.

– Я? не знаю. Ноги сами.

Потому что фатер – бьет.

Потому что – всё идет!

...Колотушки – и те в миндалинках!

Погремушки для самых маленьких!

Сказки – пастора рассмешишь!

И романтики для больших.

На всякие нужды! на всякие вкусы!

Для мальчиков – пули, для девочек – бусы.

На всякие жажды! на всякие масти!

Для мальчиков – игры, для девочек – страсти.

Без свах, без помех.

И – письма – для всех.

– Говорят, что он заводит,

Топит. (Ворочай, народец!)

– Заведет, потом загубит!

– Раз не может, так не будет

Хуже! – В лад – так не злодей!

– В ад – так без проповедей!

– Хорошо еще, что вместе,

Кучей. – А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше, –

Где ж он?) – Ничего не слышу:

Ни гопп-гопп и ни ду-ду, –

Всё идут, и я иду.

– Есть у меня – всё, всё, кроме ренты!

Для мальчиков флинты, для девочек ленты,
Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек – звуки, для мальчиков – смыслы,

Сих – с теми – родство.

И – рифма – на всё.

Ветер в полы!

Мимо школы!

Целым цирком –

Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан

Да без просыпу таскан –

До свидания, классный!

До свидания, пастор!

Не напишем и не пиши!

– Малыши!

Есть у меня – не всё перескажешь! –

Для мальчиков – радость, для девочек – тяжесть,

Нежна – перелюбишь, умна – переборешь.

Для мальчиков – сладость, для девочек – горечь.

Дно – страсти земной...

И – рай – для одной.

Здесь – путы,

Здесь – числа...

Разруха...

Разлука...

Рай – сути,

Рай – смысла,

Рай – слуха,

Рай – звука.

Точно облачко перистое,
Шепот: Грета бургомистрова!

Стройтесь, резвые невестины
Сёстры в свадебное шествие.

Позабыв о сальных бальниках –
За руку берите маленьких.

Школьный дом уже с горошину!
На руки берите крошечных

Братцев аистовых...
– Не раскаиваться!

Вроде благовеста...
– Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,
Города самый край.

– Зарастай,

След от ног наших. Спросят – в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглашай.

Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.

Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.

Жить – стареть,
Неуклонно стареть и сереть.

Жить – врагу!

Всё, что вечно – на том берегу!

В царстве моем – ни тюрем, ни боен, –

Одно ледяное! одно голубое!

Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей

Для девочек – перлы, для мальчиков – ловля

Их. – С грецкий орех!

И – ванна – для всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,

Жемчуг – чуждая болезнь.

Хворост – сер. Хочешь – ал?

Вместо хворосту – коралл.

В царстве моем – ни свинки, ни кори,

Ни высших материй, ни средних историй,

Ни расовой розни, ни Гусовой казни,

Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето краснó.

И – время – на всё.

Тише, тише, дети! Отданы

В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,

В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! Кто-то: ил!

Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! Кто-то: гул!

Кто-то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики

Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.

А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.

– Хри – зо – лит!

Красные мхи, лазурные ниши...

(А ноги всё ниже, а небо всё выше...)

Зеркальные ложи, хрустальные зальца...

А что-то всё ближе, а что-то всё дальше...

– Берегись! По колено ввяз!

– Хри – зо – праз!

А вода уже по плечико

Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!

А вода уже по горлышко, –

Усладительней простыни...

– Хру – ста – ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce[30])...

А веку всё меньше, а око всё больше...

Болотная чайка? Младенческий чепчик?

А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!

Подступает к подбородочку,

Хороши чертоги выстроил

Нищий – дочке бургомистровой?

– Вечные сны, бесследные чащи...

А сердце всё тише, а флейта всё слаще...

– Не думай, а следуй, не думай, а слушай...

А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

Пу-зы-ри.

Вшеноры, март 1925 – Париж, ноябрь 1925

Примечания

1

Jurí – судья, Rührei – яичница-болтуня, национальное блюдо; Rühr uns nicht an – не дотрагивайтесь до нас (нем.).

2

«Человек, где ты?» (нем.)

3

«Я наг» (нем.).

4

NB! Лучше (примеч. М. Цветаевой).

5

Мой сын Георгий (Мур), родившийся в полный разгар мечты о Крысолове и первой главы его – 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, ровно в полдень, в безумную (последнюю!) вьюгу, в избе, в деревне Вшеноры, близ Праги. МЦ.

6

Ударение, как: Миргород, Белгород и пр. (примеч. М. Цветаевой).

7

«Завтра – тоже день» (нем.).

8

Wurg – по-немецки крепость. МЦ.

9

Подразумевается: запах. МЦ.

10

Излишество вредно (нем.).

11

В меру! (нем.)

12

В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний (примеч. М. Цветаевой).

13

Убийца Коцебу (примеч. М. Цветаевой).

14

Позор! (нем.)

15

Бог! (нем.)

16

Сердечный, дорогой (нем.).

17

Хлеб (нем.).

18

В лето Господне (лат.).

19

20
Жареная баранина (нем.).

21
Обман и стыд! (нем.)

22
Квартет (лат.).

23
Будет дело! (фр.)

24
Умри и убей! (нем.)

25
В прошлом! (ит.)

26
Деньги – песок (нем.).

27
Неизвестен (нем.).

28
Дадим – слопают, жить – значит экономить... (нем.).

29
Утреннюю похлебку! (нем.)

30
Нежнейший тон (ит.).

Поэма лестницы
Короткая ласка

На лестнице тряской.

Короткая краска

Лица под замазкой.

Короткая – сказка:

Ни завтра, ни здравствуй.

Короткая схватка

На лестнице шаткой,

На лестнице падкой.

В доме, где по ночам не спят,

Каждая лестница водопад –

В ад...

– стезею листков капустных!

Точно лестница вся из спусков,

Точно больше (что – жить! жить – жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.

Так, до розовых уст дорваться –
Мы порой забываем: здравствуй.
Тех же уст покидая край –
Кто – когда – забывал: прощай.

Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.

От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.

Знаешь проповедь
Тех – мест?
Кто работает –
Тот – ест.

Дорого в лавках!
Тощ – предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.

В жизненной давке –
Княжеский принцип:
Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.

Взрывом газовым
Час. Да-с.
Кто отказывал,
Тот – даст.

Даст!
(Нынче зубаст

Газ) ибо за нас

– Даст! – (тигр он и барс)

– Даст! – Черт, а не Маркс!

Ящик сорный,

Скажут, скажите: вздор.

И у черной

Лестницы есть ковер.

(Масти сборной,

Правда...) Чеснок, коты, –

И у черной

Лестницы есть Coty.

Любят сласти-то

Червяки теснот!

Это – классика:

Чердаку – чеснок.

Может лечатся...

А по мне – так месть:

Черной лестницы

Черноту заесть.

Стихотворец, бомбист, апаш –

Враг один у нас: бель-этаж.

Короткая сшибка

На лестнице щипкой,

На лестнице сыпкой –

Как скрипка, как сопка,

Как нотная стопка.

Работает – топка!

Короткая встрепка

На лестнице шлепкой,

На лестнице хлопкой.

Бьем до искр из глаз,
Бьем – в лёжь.

Что с нас взыскивать?

Бит – бьешь.

Владельца в охапку –
По лестнице капкой,
По лестнице хлипкой –

Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.

– Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!

Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.

Судор'жь! Сутолочь!

Бег! Приз!

Сами ж путают:

Вверх? вниз?

Что этаж – свой кашель:

В прямой связи.

И у нашей

Лестницы есть низы,

Кто до слез, кто с корнем,

Кто так, кхи, кхи –

И у черной

Лестницы есть верхи.

– Вас бы выстукать!

– Киркой в грудь – ужо!

Гамма приступов

Крыши – грохают!
Большинством заплат –
Маркса проповедь
На стравинский лад.

Короткая спевка
На лестнице плёвкой:
Низов голосовка.

Не спевка, а сплёвка:
На лестницу легких
Ни цельного – ловко!

Торопкая склёвка.
А ярости – в клохтах!
Работают – ох как!

Что ни бросите –
Всё – в ход.
Кто не досыта ест –
Жрет.

Стол – как есть домашний:
Отъел – кладут.
И у нашей
Лестницы – карта блюд.

Всех сортов диета!
Кипящей бак –
И у этой
Лестницы – Франценсбад.

Сон Иакова!
В старину везло!
Гамма запахов
От подвала – до

Крыши – стряпают!
Ре-ми-фа- соль-си –
Гамма запахов!
Затыкай носы!

Точно в аду вита,
Раскалена – винта

Железная стружка.
Которая стопка
Ног – с лестницы швыркой?

Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.

Последняя сцепка
Двух – кости да тряпки –
Ног – с лестницей зыбкой.

Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.

Тихо. – Даже – кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей
Лестницы есть свой час

Тишины...

Последняя взбежка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.

Темнота всё стерла –
И грязь, и нас.
И у черной

Чистоты...

Откуда – узнай-ка! –
Последняя шайка –
– Рейн, рухнувший с Альп –
Воды об асфальт

Двора...

Над двором – узорно:
Вон – крест, вон – гроздь...
И у черной
Лестницы – карта звезд.

* * *

Ночь – как бы высказать?[1]

Ночь – вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться –

Вся! Все унижены –
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выпренности:
Вещь хочет выпрямиться.

Винт черной лестницы –
Мнишь – стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться.

Высь – вещь надежная.
В вещь – честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря – мою линиюю.

Двор – горстка выбоин,
Двор – год не выгребен! –
Цветами, ягодами –

Двор бредит за городом.

вещь, бросив вежливость:

– Есмь мел! железо есмь!

Не быть нам выкрестами!

Жид, пейсы выпроставший.

Гвоздь, кафель, стружка ли –

вещь – лоно чувствует.

С ремёсл пародиями

В спор – мощь прародинная.

Стекло, с полок бережных:

– Пе – сок есмь! Вдребезги ж!

Сти – хий пощечина!

Стекло – в пыль песочную!

Прочь, ложь и ломанность!

Тю – фяк: солома есмь!

Мат – рас: есмь водоросль!

Всё, вся: природа есмь!

Час пахнет бомбою.

Ве – ревка: льном была!

Огнь, в куче угольной:

– Был бог и буду им!

Что случилось с кранами?

– Пал – бог и встану им!

Чтоб сразу выговорить:

вещь хочет выздороветь.

* * *

Мы, с ремеслами, мы, с заводами,

Что мы сделали с раем, отданным

нам? нож первый и первый лом,

Что мы сделали с первым днем?

вещь как женщина нам поверила!

Видно, мало нам было дерева
и железа – отвесь, отбей! –
Захотелось досок, гвоздей,
Щеп! удобоваримой мелочи!
Что мы сделали, первый сделавши
шаг? Планету, где всё о Нем –
На предметов бездарный лом?
Мы – с ремеслами, мы – с искусствами!
Растянув на одре Прокрустовом
вещь... замкнулась и ждет конца
вещь – на адском одре станка.

Слава разносилась реками,
Славу утверждал утес.
В мир – одушевленный некуда! –
Что же человек превнес?

Нужно же, чтоб он, сей видимый
дух, болящий бог – предмет
неодушевленный выдумал –
лживейшую из клевет!

Вы с предметами, вы с понятиями,
Вы с железом (дешевле платины),
Вы с алмазом (знатней кремня),
(С мыловаром, нужней меня!)

Вы с “незыблемость”, вы с “недвижимость”,
На ступеньку которой – ниже нет,
В эту плесень и в эту теснь
водворившие мысль и песнь –

(Потому-то всегда взрываемся!)
Что вы сделали с первым равенством
вещи – всюду, в любой среде –

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягиваю руку.
Человек – рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии “металл”),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек – взрывал.

Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает – ломом.
Стол всегда утверждал, что – ствол.
Стул сломался? Нет, сук подвел.

В лакированных ваших клетках
Шумы – думаете – от предков?
Просто, звезды в окно узрев,
Потянулся, в пазах, орех.

Просыпаешься – как от залпа.
Шкаф разохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Дворни домашней бал!
Газ взорвался? Нет, бес выиграл!

Ровно в срок подгниют перильца.
Нет – “нечаянно застрелился”.
Огнестрельная воля бдит.
Есть – намеренно был убит

Вещью, в негодованьи стойкой.
В пустоту не летит с постройки
Камень – навыки таковы:
Камень требует головы!

Мечь утеса. С лесов – мечь леса!

Чем обставились? Дуб и штоф?
Застрахованность этих лбов!

Всё страхующих – вплоть до ситки
Жестяной. Это ты – тростник-то
Мыслящий? – Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!

От Гефеста – со всем, что в оном –
Дом, а яхту – от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!

От Гефеста? А шпиль над крышей –
От Гефеста? Берите выше!
Но и тише! От всех в одном:
От Зевеса страхуют дом.

Еще плачетесь: без подмоги!
Дурни, спрашивается, боги,
Раз над каждым – язык неймет! –
Каждым домом – богоотвод!

Бухты, яхты, гешефты, кофты –
Лишь одной не ввели страховки:
От имущества, только – сей:
Огнь, страхующий от вещей.

* * *

Вещи бедных. Разве рогожа –
Вещь? И вещь – эта доска?
Вещи бедных – кости да кожа,
Вовсе – мяса, только тоска.

Где их брали? Вид – издалёка,
Изглубока. Глаз не труди!
Вещи бедных – точно из бока:
Взял да вырезал из груди!

Полка? случай. Вешалка? случай.

Случай тоже – этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья, –
Весь октябрьский лес целиком!

Нищеты робкая мебель!
Вся – чего? – четверть и треть.
Вещь – давно, явно на небе!
На тебя – больно глядеть.

От тебя грешного зренья,
Как от язв, трудно отвлечь.
Венский стул – там где о Вене –
Кто? когда? – страшая вещь!

Лучшей всех – здесь – обещен,
Был бы – дом? мало! – чердак
Ваш. Лишь здесь ставшая вещью –
Вещь. Вам – бровь, вставшая в знак

? – сей. На рвань нудную, вдовью
Что? – бровь вверх! (Чем не лорнет –
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть – предмет.

Так подчас пуст он и сух он –
Женский глаз, дивный, большой,
Что – сравните – кажется духом –
Таз, лохань с синькой – душой.

Наравне с тазом и с ситом
– Да – царю! Да – на суде! –
Каждый, здесь званный, пиитом,
Этот глаз знал на себе!

Нищеты робкая утварь!
Каждый нож лично знаком.

Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то здесь, всем- за окном –

Тем, пустым, тем – на предместьях –
Те – читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: не примут в багаж.

Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти...
В слезах –

Оттого что: не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а наш
шкаф.
Оттого что сердце и душ
Не сдают в багаж.

Вещи бедных – плоше и суше:
Плоше лыка, суше коряг.
Вещи бедных – попросту – души,
Оттого так чисто горят.

* * *

Ввысь, ввысь

Дым тот легкий!

Чист, чист

Лак от локтя!

Где ж шлак?

Весь – золой

Лак, лак

локтевой!

Прям, прям

Дым окраин.

Но не Каин.

Обшлаг –

Вдоль стола.

Наш лак

Есть смола.

Стол – гол – на вещицы,

Стол – локтем вощится,

Воск чист, локоть востр.

За – стывший пот – воск.

Им, им – ваших спален

(Вощим, но не салим!)

Им, им так белы

Полы – до поры!

* * *

Вещи бедных – странная пара

Слов. Сей брак – взрывом грозит!

вещь и бедность – явная свара.

И не то спарит язык!

Пономарь – что ему слово?

Вещи нищ. Связь? нет, разлад.

Нагота ищет покрова,

Оттого так часто горят

Чердаки – часто и споро –

Час да наш в красном плаще!

Теснота ищет – простора

(Автор сам в рачьей клешне).

Потолок, рухнув – по росту

Стал – уж горб нажил, крался.

Правога ищет помоста:

Всё сказать! Пусть хоть с костра!

Ни луча. Лучная – вонь.

Бледнота ищет загару.

О всем том – помнит огонь.

* * *

Связь, звучанье парное:

Черная – пожарная.

У огня на жалованьи

Жизнь живет пожарами.

В вечной юбке сборчатой –

Не скреби, уборщица!

Пережиток сельскости –

Не мети, метельщица!

Красотой не пичканы,

Чем играют? Спичками.

Мать, к соседке вышедши,

Позабыла спичечный

коробок...

– как вылизан

Пол, светлее зеркала!

Есть взамен пожизненной

Смерти – жизнь посмертная!

Грязь явственно сожжена!

Дом – красная бузина!

Честь – царственно спасена!

Дом – красная купина!

Ваши рабства и ваши главенства –

Погляди, погляди, как валятся!

Целый рай ведь – за мин удушья!

Погляди, погляди, как рушатся!

Печь прочного образца! [2]

Протопится крепостца!

Все тучки поразнесло!

Просушится бельецо!

Пепелище в ночи? Нет – займище!

Нас спасать? Да от вас спасаемся ж!

Не топчите золотого пастбища!

Нас? да разве спасают – спасшихся?

Задивившись на утро красное,

Это ясьень суки выпрастывает!

Спелой рожью – последуй ломтичек!

Бельевая веревка – льном цветет!..

А по лестнице – с жарко-спящими –

Восходящие – нисходящие –

Радуги...

* * *

– Утро

Спутало перья:

Птичьё? мое? неведомо.

Первое утро – первую дверью

Хлопает...

Спит поэма.

Вандея, июль 1926

Примечания

1

Между первым и вторым слогом перерыв (примеч. М. Цветаевой).

2

В последних четырех строках между первым и вторым слогом – перерыв.

Печь прочного образца!

Про – топится крепостца!

Все – тучки поразнесло!

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Про – сушится бельецо!

(Примеч. М. Цветаевой.)

Последний чай
из поэмы "Перекоп"
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Приключение
В пяти картинах
Vous oublierez aussi Henriette...

Casanova. Mémoires. [1]

Лица

ДЖАКОМО КАЗАНОВА, в первой картине 23 года, в последней 36 лет, острый угол и уголь.

АНРИ-ГЕНРИЭТТА, 20 лет, лунный лед.

КАПИТАН, под пятьдесят, вояка.

ДЕВЧОНКА, 17 лет, вся молодость и вся Италия.

ЛЕ-ДЮК, слуга, ровесник и сподвижник Казановы, преувеличенный Казанова.

ГОРБУН, как все горбуны.

ВИОЛОНЧЕЛИСТ, 18 лет, лоза.

ПЕДАНТ, очаровательная развалина.

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ, ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ, 1-й ИСПАНЕЦ, 2-й ИСПАНЕЦ, 1-й ФРАНЦУЗ, 2-й ФРАНЦУЗ – марионетки

ХОЗЯЙКА МОДНОЙ ЛАВКИ, сорокалетняя итальянская скороговорка.

1-я МАСТЕРИЦА, 2-я МАСТЕРИЦА – девочки

Время и место встреч

I картина – комната гостиницы в Чезене, II картина – та же комната гостиницы, III картина – загородная вилла в Парме, IV картина – комната гостиницы "Весы" в другом итальянском городе – 1748 г.

V картина – та же комната гостиницы, 13 лет спустя

Час встреч: вечер и ночь.

Источники мои – IV том "Мемуаров" Казановы.

Картина первая

Капля масла

Ночь. Казанова, буйно разметавшись, спит на диване, под картой звездного неба. Видно, что заснул случайно. На полу валяются книги. Свечи в огромном трехсвечнике догорели. Начало картины в полной тьме.

Стук и голос за дверью

– – – – Позвольте мне взойти!

– – – – Вы заняты? Вы спите?

Вы, может, не одни? – Молчит, как гроб!

Да здравствует пример воров и кошек!

(На пороге молодой гусар с ночником.)

<ГУСАР>

Светло, как в погребѣ! – Ночник, свети,
Как факел на ветру!

КАЗАНОВА

(во сне)

Жавотта, ты?
Браслеты я купил!

ГУСАР

Должно быть, бредит.

КАЗАНОВА

(так же)

Но если граф к тебе еще придет...
А впрочем – черт с тобой!

ГУСАР

И Бог – со мной!

(Рассматривает разбросанные всюду книги.)

Что мы читаем? – Данте. – Ариост.
“Значенье звезд”. – “Семь спутников скелета”.
Был или нет – у Асмодея – хвост...

КАЗАНОВА

(так же)

Тогда Розине подарю браслеты!

ГУСАР

(у письменного стола)

Перо очинено... Весы... Печать...

А писем, писем! Полная корзина!

А, женский башмачок! Хотел бы знать,

Как в башмачке одном дошла...

КАЗАНОВА

(так же)

Розина!

ГУСАР

Два женских имени за пять

секунд – и всё чего-то шарит!

Не весело, должно быть, спать

С одной картой полушарий!

(Наклоняет светильник к самому лицу спящего.)

Души и ветрености смесь!

Над скольких Ев невинных – змеем,

Над скольких Ариадн – стою – Тезеем?!

– Ох, масло капнуло! Ох, я пропал!

КАЗАНОВА

(вскакивая в темноте)

Кто здесь?

Ле-Дюк! На помощь! Сбирры! Смерть! Розина!

Суматоха.

ГУСАР

(зажигая светильник)

И Бог сказал: да будет свет!

Ни сбирров, ни Розины нет, –

А просто нашалил светильник.

И перед вами – ваш сосед:

Гусар и бравый собутыльник.

КАЗАНОВА

Я, кажется, заснул и вижу сон?

Как вы сюда попали?

ГУСАР

Прямо в двери.

Но если здесь у вас заведено

Не в дверь ходить – могу уйти в окно.

КАЗАНОВА

Ле-Дюк!

ГУСАР

Не встанет вам помочь

Ваш Лепорелло. – А причина

Сему: не спит в такую ночь

Слуга такого господина.

КАЗАНОВА

Вы вор?

ГУСАР

Немножко.

КАЗАНОВА

Странно, цепь цела

И перстень цел... Нет, вы не вор, – вы хуже:

Вы чей-то муж! – Нет, хороши для мужа!

Скажите же мне, сударь, что вам нужно?

Какая дурь сюда вас привела?

ГУСАР

Я странным нйдугом недужен:
Моя болезнь – бессонные дела.

КАЗАНОВА

Ну, побеседовали, – баста!
Идите просыпайте хмель!

ГУСАР

(твердо)

Скорей в могилу, чем в постель!

КАЗАНОВА

И на затылок наложите пластырь.

ГУСАР

(певуче)

Ах, не залечит
Ласковый пластырь
Этого сердца,
Сей головы!
Ах, я бессонней самой совы!
Такой же, как вы,
Бессонных дел мастер!

КАЗАНОВА

Так вы не муж?

ГУСАР

Не муж.

КАЗАНОВА

Не вор?

Не вор.

КАЗАНОВА

И вы не кредитор?

ГУСАР

Едва ли!

КАЗАНОВА

Не муж, не вор, не кредитор, –

Зачем же вы сюда попали?

По звону шпор и по шнуровке

Гусар, очарованье дам.

Умалишенный – по речам,

И... ангелочек – по головке!

ГУСАР

И ложь, и правда...

КАЗАНОВА

Как певуч

Ваш голос молодой... Но все же –

Зачем вы здесь?

Полоса луны.

ГУСАР

Зачем на ложе

Нисходит этот лунный луч?

КАЗАНОВА

Кто вы?

ГУСАР

я – лунный луч. Вольна
Мне всякая дорога.

КАЗАНОВА

КТО ВЫ?!

ГУСАР

Как спутница Земли – Луна,
я – вечный спутник Казановы.
А для людей – гусар Анри,
Грош, по рукам еще не стертый...

КАЗАНОВА

Но все ж, дитя, какого черта
Сюда явились?

АНРИ

– На пари!

КАЗАНОВА

Пари?!

АНРИ

(кладя ему руку на плечо)

КАЗАНОВА, взгляните в окно!
Как в мире безумно от лунного света!
Все минет, все канет... Не все ли равно:
Пари – или нежность. Анри – Генриэтта.

КАЗАНОВА

(прозревая)

Анри? – Генриэтта?

(Вскакивает.)

Оставьте! Не тронь!

КАЗАНОВА

(вне себя)

Пари – или нежность?

АНРИ

(смеясь)

Какое бесстыдство!

Ни то, ни другое. В страшнейший огонь

Гусаров и женщин ведет – любопытство.

Входит Капитан.

КАПИТАН

Прикрою дверь, а то сквозит.

Простите, сударь, за визит

В столь неурочный час полночный.

Всяк господин в своем дому.

Мне это свято, но всему

Виной – мальчишка сей порочный.

Чуть ночь настанет, быстр и бодр

Сей лодырь покидает одр

Свой, моему одру соседний.

Ищу, свищу – ответа нет,

А поутру – один ответ:

– Где был, племянник? – У обедни!

Что, сударь, скажете на это?

КАЗАНОВА

Всё в мире – только имена!

Кто скажет: месяц, кто: луна...

Анри – сегодня, завтра – Генриэтта...

КАПИТАН

Что значит?..

КАЗАНОВА

(вскипая)

То, что без ума
Я, сударь, от сего гусара,
что сон бессоннице не пара,
Ну, словом, чтоб не тратить слов,
Я – Казанова, и готов
Платить казною или кровью.

КАПИТАН

Я – воин, и чужой любовью
Не промышляю. Чтят любовь
И юность – старые венгерцы.
А проливать чужую кровь
Сегодня мне мешает – сердце.
(Генриэтте)
– Свободна!
(Выходит.)

АНРИ

(занося ногу на подоконник)

Кажется, погасла
Луна, нырнула в глубину...
Забудьте бедную луну
И помните о капле масла!

Картина вторая
Десять цехинов
Следующий вечер. Та же комната. Казанова и Анри, сменивший гусарский мундир на очаровательную мужскую одежду того времени, на разных концах дивана – беседуют.

КАЗАНОВА

(продолжая нескончаемый диалог)

я вас люблю!

АНРИ

У вас прелестный голос!

КАЗАНОВА

А вы меня не любите!

АНРИ

Не всё

Так просто под луною, Казанова!

Семь ступеней у лестницы любовной...

КАЗАНОВА

Я на восьмой тогда!

АНРИ

И сотни тысяч,

И сотни тысяч верст меж “да” и “нет”.

КАЗАНОВА

Еще ни разу не поцеловали!

АНРИ

Не все дороги в Рим ведут.

КАЗАНОВА

(насторожившись)

Нет, Рим

Нам может быть опасен. Едем в Парму!

я вас люблю!

АНРИ

КАЗАНОВА

А вы меня не любите!

АНРИ

...и губы...

КАЗАНОВА

Я никогда так страстно не любил,
Так никогда любить уже не буду...

АНРИ

(глубоко-серьезно)

Так – никогда, тысячу раз – иначе:
Страстнее – да, сильнее – да, страннее – нет.

КАЗАНОВА

Что смотрите?

АНРИ

Прелестные глаза!
Да, их должно быть целовать прелестно...

Казанова тянется.

АНРИ

(смеясь и отстраняясь)

Нет, нет, – как лунный луч: когда заснут.
Не забывайте: мы – авантюристы:
Сначала деньги, а потом – любовь.

КАЗАНОВА

(падая с облаков)

Какие деньги?

АНРИ

(играя в серьезность)

За любовь. Но долгом

Своим считаю вас предупредить:

Никак не ниже десяти цехинов.

КАЗАНОВА

Тысячу!

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

С этим перстнем!

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

Тысячу – цепь – и перстень...

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

Чертов

Вчерашний проигрыш! – И пряжки!

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

(в отчаянии)

и этот ларчик!

АНРИ

Мало! Мало! Мало!

КАЗАНОВА

Что же вы потребуете?

АНРИ

(упираясь кончиком пальца в грудь Казановы)

– Душу

Сию – на все века, и эту

Турецкую пистоль – на смертный выстрел.

(Разглядывая пистоль.)

Турецкая?

КАЗАНОВА

(как во сне)

Да, да...

АНРИ

Даешь?

КАЗАНОВА

(так же)

Даю.

АНРИ

(по-детски)

И не отнимешь?

КАЗАНОВА

Нет...

(грозя пальцем)

Ну-ну, мессэре!
Чтоб у меня не плакаться потом,
Что плата высока не по товару!
Нагнитесь.

Казанова склоняет голову.

Этот первый поцелуй
В безумный лоб, чтоб мудрым был и добрым.
Давайте – шаг за шагом – постепенно:
Как Бог велел: сначала в лоб, потом в глаза...

КАЗАНОВА

(яростно)

Когда же в губы?!

АНРИ

(серьезно)

Слушайте, дружочек!
Бог дивный мир свой сотворил в неделю.
Женщина – сто миров. Единым духом –
Как женщиной мне стать в единый день?

Вчера гусар – при шпорах и при шпаге,
Сегодня – кружевной атласный ангел,
А завтра – может быть – как знать? Кто знает?!

КАЗАНОВА

(сжимая кулаки)

Ты поклялась свести меня с ума!

(Стук в дверь, – он, бешено)

Кто там?!

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ

Из модной лавки Санта-Кроче.

АНРИ

(приподымаясь на цыпочки)

Поцеловали в лоб – целуем в очи!

Входит Хозяйка, за ней две мастерицы.

ХОЗЯЙКА

(проталкиваясь, мастерицам)

я первая! Нельзя же разом!

Привет, синьоры!

КАЗАНОВА

В добрый час!

Уже синьора заждалась.

ХОЗЯЙКА

А я – нести надорвалась!

Три ражих девки над заказом

Три ночи не смыкали глаз.

Дорина обливалась потом,

С Джаниной сделалась икота

Но разыграли, как по нотам

Сонату, – бисер – не работа!

Где же синьора наша?

КАЗАНОВА

(на Анри)

– Вот.

ХОЗЯЙКА

Где?

КАЗАНОВА

Вот.

ХОЗЯЙКА

Веселый у господ
Был, верно, ужин?

КАЗАНОВА

Говорят вам,
Что – вот!

ХОЗЯЙКА

Клянусь священной клятвой,
Что не синьору видит взгляд мой...
А – ну совсем наоборот.

КАЗАНОВА

А чтобы спор покончить скоро, –
Синьора, утомивши взоры
Непостоянством женских мод,
Кинула чепчик в огород
И порешила быть – синьором!

ХОЗЯЙКА

Да, да, – как раз наоборот!
(Мастерицам.)
Ну, дети, это авантюра!
(Казанове.)
Но как же, сударь? Белокура...
Синьора. Та была черна
И – ох! – куда полней фигурой...
И ликом – что твоя луна!
Не спутала же я... Едва ли.

КАЗАНОВА

(с деланным смехом)

Кругом запуталась, швея!

хозяйка

(с жаром)

Ну как же, сударь? Полным ртом

Ее вы в лавке целовали,

Еще Розиной называли:

“Розина, родинка моя!..”

АНРИ

(в воздух)

Заказанный для темных глаз

Атлас – теперь послужит светлым.

Жизнь поклялась: всё будет пеплом...

(Кладя руку на плечо Казановы.)

Дружочек, не сержусь на вас.

1-я МАСТЕРИЦА

И ни слова укора!

2-я МАСТЕРИЦА

И ни капельки злобы!

ХОЗЯЙКА

(разгружая картонки)

Какие уборы, синьора!

Четыре робы, синьора!

1-я МАСТЕРИЦА

Не плачет!

2-я МАСТЕРИЦА

Не бесится!

КАЗАНОВА

Генриэтта! – Анри!

АНРИ

(над платьями)

Одно – цвета месяца,

Другое – цвета зари!

хозяйка

(продолжая)

Косынки! Мантилии!

АНРИ

Ваш подарок – блестящ.

Одно позабыли вы:

Цвѣта Времени – Плащ.

Так, большими ударами

Жизнь готовит нам грудь...

ХОЗЯЙКА

Довольно думать, сударыня,

Будемте мерить, сударыня...

АНРИ

(в пространство)

Плащ тот пышен и пылен,

Плащ тот беден и славен...

ХОЗЯЙКА

(держа на весу платье)

Здесь возьмем, там убавим,
Тут ушьем, там зашпилим...

Анри, Хозяйка и мастерицы выходят.

КАЗАНОВА

Тысячу громов! – Это нрав! – Я прав! –
Не торговка, а чертовка! – Но Анри! – Как сталь!
И бровью не повела! – Ну, дела! – Хвала
Господу в небесах – за любовь! – Кто там!?

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ

Вчерашний капитан.

КАЗАНОВА

Ах, это вы? Взойдите.

КАПИТАН

(входя)

Хотелось мне по поводу событий
Вчерашних – по душам – как друг –
потолковать.
Вы разрешаете, мессэре?

КАЗАНОВА

Весь вниманье.

КАПИТАН

Сие созданье любит вас.

КАЗАНОВА

(вспыхнув)

Созданье

Сие – невеста мне!

КАПИТАН

(невозмутимо)

Должно быть, мать
Что ль у нее до времени скончалась,
Иль просто колыбель ее качалась
Под бурным небом, – словом, был темна.
Послушна как дитя, добра, умна,
Старик Гораций ей слагал бы оды! –
Но вдруг мужскую надевает моду,
По окнам бродит, как сама Луна,
Трезва за рюмкой, без вина – пьяна...

КАЗАНОВА

(угрожающе)

Нельзя ли поучтивей, старина?

КАПИТАН

(невозмутимо)

То в честь Платона составляет вирши,
То – молнией в седло. – Куда? – Приказ!
Жду час, жду два. – Влетает.

КАЗАНОВА

Ну?

КАПИТАН

Дралась
С польским временщиком – за командиршу!

КАЗАНОВА

Как в руки вам достался этот клад?

КАПИТАН

В Чивите-Веккии, в гостинице...

(Щелкает пальцами.)

КАЗАНОВА

Да шут с ней,

С гостиницей!

КАПИТАН

И вот, с косичкой куцей –

Гусар по лестнице, за ним –

(пауза, и блаженно)

– еще гусар.

Вы хороши, я – нет. Вам двадцать лет, я стар, –

Но молод или нет, – всяк вправе быть убитым!

Сражен! – Заворожен! – Железнякам к магниту

Тянусь. Тот впереди, а наш Анри за ним.

Сигарный дым прошел, – но в сердце что за дым

Пошел, когда она, ресниц скосивши стрелы,

Меня, как невзначай, своим плащом задела...

КАЗАНОВА

А дальше?

КАПИТАН

Дальше – вот: из двух окон моих

Всё видно в их окне. Не муж и не жених

Он ей, но и не брат, – да вовсе ей не нужен!

За ужином сидят, – похороны, не ужин!

Молчат и не едят, – не разжимают губ.

Другой уходит спать.

...я, может, груб и глуп, –

Зову слугу: гляди! – Тот смотрит, рот разинув.

– Зови ее ко мне!

КАЗАНОВА

Черт!

КАПИТАН

За десять цехинов!

КАЗАНОВА

Пришла?

КАПИТАН

Пришла. – Выходим в парк.

Отсчитываю ей монеты.

Смеется: – Думаете, нету

Цехинов у меня? – и шварк

Мне под ноги кошель!

КАЗАНОВА

Богиня!

КАПИТАН

Так и не ведаю поныне,

Мессэре, что ее за змей

Ужалил. – Окончанье просто:

Тот спал, а парочку друзей

В Чезену повезла повозка.

С тех пор не расстаемся.

КАЗАНОВА

Так.

А кто она? Откуда?

КАПИТАН

Мрак.

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Туман. Обман. – Роман, быть может.

Быть может, злостный опекун,
иль зверский муж, – ей мало лун,
Но этот век безумно прожит!

ГЕНРИЭТТА

(входя)

Позвольте мне вас потревожить...

Казанова и Капитан встают, столбенеют.

Синьоры...

КАПИТАН

Молния и мрак!

Санкта Мадонна! – Конь и шпоры!

Ах я подлец! Ах я дурак!

ХОЗЯЙКА

Ну, как вам нравится синьора?

1-я МАСТЕРИЦА

Конфетка!

2-я МАСТЕРИЦА

АНГЕЛ!

1-я МАСТЕРИЦА

Божья мать!

КАПИТАН

Как быть? – Куда глаза девать?

ХОЗЯЙКА

(с ложной скромностью)

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не правда ли, для первой пробы –

Недурно?

КАЗАНОВА

(только что очнувшись)

Сонм небесных сил!

ХОЗЯЙКА

Клянусь, никто домашней робы

С таким величием не носил!

КАПИТАН

Отныне ни вина, ни карт.

хозяйка

(принимая от Казановы кошелек)

Какие звонкие цехины!

Сейчас июнь.

(Казанове)

Пусть подарит вам март

Такую дочку.

(Генриэтте)

Вам – такого сына.

Хозяйка и мастерицы, приседая, выходят.

КАПИТАН

(со вздохом)

Им вслед, любезные друзья,

Со вздохом подымусь и я.

ГЕНРИЭТТА

(светски)

Так скоро?

Отчего так спешно?

КАПИТАН

Что делать, – срочные дела!

(Казанове)

Мне ваша молодость мила.

(Генриэтте)

Я ваш поклонник – неутешный.

(Выходит.)

КАЗАНОВА

(надевая Генриэтте кольцо)

Сегодня колечко, а завтра – запястье.

ГЕНРИЭТТА

(в тон)

Сегодня безумье, а завтра – бесстрашие.

КАЗАНОВА

Смотрите – за новым

К другим Казановам

В окошко не лазьте!

ГЕНРИЭТТА

Я больше не вор и не кошка, –

Я ваша раба.

КАЗАНОВА

Судьба ты моя! Роковое и грустное счастье!

Молчание.

КАЗАНОВА

ГЕНРИЭТТА

КАЗАНОВА?

КАЗАНОВА

Взгляд опущен...

Ты не счастлива?

ГЕНРИЭТТА

Я счастлива – но тихо.

Мне когда-то на кофейной гуще

В нашем замке нагадала лесничиха...

КАЗАНОВА

В вашем замке?

ГЕНРИЭТТА

Я ошиблась... Я случайно...

Ты не слушай...

КАЗАНОВА

ГЕНРИЭТТА, где твой замок?

Кто ты?

ГЕНРИЭТТА

Тайна.

КАЗАНОВА

Ты не скажешь?

ГЕНРИЭТТА

Тайна,

Казанова! – А кофейное гаданье –

КАЗАНОВА

Ты не веришь, верно, думаешь – я грубый,
Буду нежным, буду страшно осторожным.
Волком был, а буду шелком. – Можно
В этот локон мне поцеловать вас?

ГЕНРИЭТТА

(закрывая глаза)

В губы!

Картина третья
Виолончель
Терраса загородного дома в Парме. Ночь. Ступени в сад.

1-й ФРАНЦУЗ

Престранный праздник... Кавалеров – тьма,
А дам у нас...
(Глядит на Генриэтту, беседующую с Педантом.)

2-й ФРАНЦУЗ

Не может быть на небе
Двух лун...

1-й ФРАНЦУЗ

Но звезды есть, кроме луны.
Прелестна – и до странности похожа
На лунный свет...

2-й француз

И на какой-то сон...

1-й ФРАНЦУЗ

Никто друг другу не представлен.

2-й ФРАНЦУЗ

Ясно,
Хозяин наш чудак – к тому горбун –
К тому влюблен – и вовсе не намерен,
Инкогнито ее раскрыв, стада
Вдыхателей к дверям ее пригнать...

1-й ФРАНЦУЗ

А тот
С ней рядом, сух и жгуч, как адский уголь, –
Кто он?

2-й ФРАНЦУЗ

Что за вопрос! Конечно, друг,
Не муж, конечно...
(Всматриваясь в Казанову.)
Я как будто где-то
Его встречал... Ну да – конечно, тот,
Что банк сорвал... фарусси, иль ферусси...

(Беседуя, отходят.)

ГОРБУН

(подходя к Генриэтте и Педанту)

Небесная, как нравится вам ваш
ученый собеседник?

ГЕНРИЭТТА

Собеседник?
Нескромным словом этим как дерзну
Сей столп премудрости назвать, пред коим
Колена клонятся мои...

ПЕДАНТ

Когда б

Сам Цицерон через летейски воды
Обратный путь свершив, древесный свод
Сей огласил прекрасными речами, –
Клянусь, не отразил бы этот свод
Краснее речи...

ГЕНРИЭТТА

Вы меня смутили.

ПЕДАНТ

(с поклоном)

Учтивейшая всех подлунных жен,
Послушайте Педанта-Кавалера:
Во образе прелестном сем смущен
Не только Цицерон – сама Венера!
(Отходит.)

ГОРБУН

А что вы скажете на этот сад, –
Убежище хотя и не Амура,
(Тому виною горб!), – но девяти
Сестер бессмертных, коим вы десятой
Сестрой являетесь...

ГЕНРИЭТТА

Сей сад затмил
Навек в моих глазах сады Версаля.

ГОРБУН

(оживленно)

Вы знаете Версаль?

ГЕНРИЭТТА

(прохладно)

Да, да, слегка,
Проездом...

ГОРБУН

Вспоминаю, что синьора
При нашей встрече в Опере – число
В сем сердце запечатлено – пристрастье
К медалям обнаружила...

ГЕНРИЭТТА

Страстна
Я ко всему, что вечно.

ГОРБУН

Буду льстить
Себя надеждой, что мои Челлини
Заслужат то, чего – виновен горб! –
я заслужить – себе надеждой нежной
Не льщу: улыбки.

ГЕНРИЭТТА

(указывая на Казанову)

Разрешите мне
И кабалеро пригласить...

ГОРБУН

(язвительно)

Пристрастен
Он также к ним?

ГЕНРИЭТТА

(отчетливо)

Пристрастен он – ко мне,
А я – к нему. Идемте, кабалеро!

Генриэтта, Казанова и Горбун выходят.

1-й ИСПАНЕЦ

Хозяин по уши влюблен!

2-й ИСПАНЕЦ

(намекая рукой на рост Горбуна)

Нетрудно

И выше головы! Клянусь плащом

И шпагою гидальго: кроме шпаги

Всё – за единый взгляд!

1-й ИСПАНЕЦ

Напрасен труд!

Подходят, беседуя, Посол испанский и Посол французский.

посол испанский

О чем так горячо?

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Чей труд?

1-й ИСПАНЕЦ

Извечный

Прекрасный труд испанца: покоренье

Того, что непокорно. Нынче – той.

посол испанский

Ах, вы о нашей дивной чужестранке!

Но почему так безнадежно?

1-й ИСПАНЕЦ

Дон

Антонио, когда в течение часа
Красавица ни разу не вздохнет
Всей грудью – значит, счастлива, и значит
Не нужно ей ни вас – ни вас – ни вас –
(на себя)
Ни вашего слуги, ни всей вселенной, –
Ни самого инфанта...

2-й ИСПАНЕЦ

Тише, тише!
Горбатые хитры и слышат всё.

Оба испанца отходят.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

А кто она?

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Отнюдь не итальянка.
Сей стройный рост и заводь чудных этих глаз,
Зовя – отказывающих...
(С улыбкой.)

Да что нам
До родины ее, когда одна
У всех красоток родина: та пена,
Из коей нам Венера поднялась!
– А кто ее Парис?

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Какой-то плут.
Аббатишко разжалованный, мастер
Ловить фортуны за конец плаща!
Ну и глазищи у него!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

А кожа!

Как будто черным впоен молоком.

Но я в мужчинах – не знаток. В красотках

Мы знаем толк, в нас знают толк – они.

явление Генриэтты об руку с Горбуном.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Вулкан с Венерой!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Нет, скорей Диана

С плененным фавном!

ГОРБУН

Возвращаю вам

восьмое чудо мира – нашу Музу!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

я б единицей стройной заменил

восьмерку, друг, – и – таковы французы! –

я “дамой сердца” заменил бы Музу.

ГЕНРИЭТТА

(взглядывая на Казанову)

Умею быть и Дамою Души.

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

А разве это – не одно и то же?

ГЕНРИЭТТА

Секундной стрелкой сердце назову,

А душу – этим звездным циферблатом!

Божеественно!

ПЕДАНТ

Отменно!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

И остро!

ПЕДАНТ

Вы как Спиноза – на любой вопрос
Имеете ответ.

ГЕНРИЭТТА

(смеясь)

Сентябрь-месяц

Мне вместо колыбели дал

(взглядывая в небо)

– Весы.

Мои ж часы, любезные друзья,
Заведены часовщиком Спинозой.

Из сада доносятся первые жемчужины менуэта.

ГЕНРИЭТТА

(Казанове)

Прислушайтесь, Джакомо! – Менуэт!
Мой друг и рыцарь, становитесь в позу.

ПЕДАНТ

Небесная, я вам сплету сонет,
Где рифма встретится “Спиноза” с рифмой
“Роза”.

Менуэт.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Что мне бахромчатая шаль
Испании!

ПЕДАНТ

Впервые жаль
Педанту, что взамен наук
Па – не усвоил – менуэта!

ГОРБУН

Проклятый горб мой!

КАЗАНОВА

Генриэтта!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Вы возвратили мне Версаль!
Пауза.
Смиренно верю и надеюсь,
Что, этим веером овеясь,
Ваш нежный отдых будет быстр?

ГЕНРИЭТТА

Очаровательный министр!
Вы мне послушны?

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Есть и буду.

ГЕНРИЭТТА

Не заносите же причуду
Сию – на черный свой регистр.
Я больше не танцую.

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Танец –
За вами.

педант

Я как в землю врос!

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Нет, даже перед Розой Роз
Не позабуду – что испанец!
(Отходит.)

ГЕНРИЭТТА

Я музыки хочу.

ГОРБУН

Желанье

Владычицы – закон. Сюда,
Прекрасный Сандро!

Медленно и нехотя приближается, со своей виолончелью, Прекрасный Сандро.

Предстоит вам честь
и счастье быть услышанным синьорой.
Синьора хочет звуков.

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

Ах, гроза,
Должно быть, близко. Я в каком-то странном
Тумане...

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Где гроза? Взгляните вверх:
Все звезды налицо. Коль не дочтетесь

Одной –

(глядя на Генриэтту)

– Взгляните вниз.

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

Какой-то звон

Мне чудится...

ГЕНРИЭТТА

(участливо)

Вы не больны, надеюсь?

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

Изнемогаю. Не могу играть.

ГОРБУН

Диковинные люди – музыканты!

Проси хоть час, хоть год, хоть век...

ГЕНРИЭТТА

(глядя на Сандро, нежно)

На сих

Причудников нельзя сердиться, ибо

Как женщины – играют, как хотят,

Когда хотят – кому хотят...

(Протягивая руку Сандро.)

– Маэстро,

Вы мой союзник...

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

(склоняясь)

Как струна – смычку.

ГЕНРИЭТТА

Посмотрим, всё ли мы с тобою в дружбе,

Виолончель, душа моей души?

(Садится, играет.)

КТО-ТО

Сплю или нет?

ДРУГОЙ

Нет, это сон нам снится!

ИСПАНСКИЙ ПОСОЛ

(хватаясь за сердце)

Как нож!

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОСОЛ

(глядя себя вдоль груди)

Как мед!

ГОРБУН

Так добрый дух, скорбя,

Уходит в мир...

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

(впервые человеком)

Лаири – ученица!

Что вы играли нам?

ГЕНРИЭТТА

(ему)

Свое, –

(взглядывая на Казанову)

– Себя.

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Горбун, за секунду до того отозванный слугой, подходит к Генриэтте и окружающим ее.

ГОРБУН

Простите, что прерву очарованье...

К вам посланный с письмом. Не говорит –
Кем послан.

Все отходят.

ГЕНРИЭТТА

Где письмо?

(Не вскрывая.)

– А! Семь печатей!

(Казанове)

Моя любовь, – расстаться мы должны.

Картина четвертая

Гостиница “Весы”

Ночь. Дорожный развал. Горит одна свеча. У стола, уронив вниз голову в руки, сидит Казанова, Генриэтта, одетая по-дорожному, в беспокойстве ходит по комнате.

ГЕНРИЭТТА

Который час?

КАЗАНОВА

За час – который раз

Ты спрашиваешь?

ГЕНРИЭТТА

Нынче ночью встали

Мои часы: должно быть, предпочли

Времени – Вечность: отлетела стрелка!

КАЗАНОВА

Ты уронила их?

ГЕНРИЭТТА

Нет, это ты
Задел их, сонный.

КАЗАНОВА

Я не помню.

ГЕНРИЭТТА

Помнишь?

Еще ты вскрикнул: – Что это за звон?

А я смеясь тебе сказала: – Сердце.

(Глядя на часы.)

Мингер Спиноза, мудрый филозоф,

Но скверный часовщик вы!

КАЗАНОВА

ГЕНРИЭТТА!

Мы скоро расстаемся. Сядь ко мне,

Как ты любила – хочешь? – на прощанье.

ГЕНРИЭТТА

(качая головой)

Нет.

КАЗАНОВА

Ты не хочешь?

ГЕНРИЭТТА

Мало ли чего

Хотим, дружок. Пока живешь – все хочешь –

Всего. Но это Жизнь, а нынче – Смерть.

Солдаты смерть встречают стоя.

Ах, не забыть турецкую пистоль,

Подарок твой!

Мой мальчик! Генриэтта!
Последняя мольба к тебе!

ГЕНРИЭТТА

Изволь.

КАЗАНОВА

(по-детски)

Ночь глубока, дорожная карета
Так широка, а мы с тобой тонки,
Как два клинка... Клянусь тебе, я слезу
На первом повороте!

ГЕНРИЭТТА

(у окна)

Огоньки

В домах – везде – погасли...

(Вполоборота – Казанове.)

Бесполезно.

КАЗАНОВА

Нет у тебя души!

ГЕНРИЭТТА

Должно быть – нет.

КАЗАНОВА

А в жилах – лунный свет.

ГЕНРИЭТТА

Быть может – да,

Быть может – нет.

Скажи мне на прощанье:

Бес или ангел ты?

ГЕНРИЭТТА

Чужая тайна

Оставим это.

(Глядя на часы.)

Бедные часы!

– И надо же, чтоб именно весы

Щиток гостиницы изображал, где встреча

Вечнейшая кончается навек,

Как тает снег...

(Берясь за сердце.)

Боюсь, что здесь навек

Покончено с законом равновесья!

(Снимает с руки кольцо, подает его Казанове.)

Возьми назад.

КАЗАНОВА

(высокомерно)

Ни писем, ни колец

Обратно не беру!

ГЕНРИЭТТА

(как эхо)

Ни клятв, ни писем

Напрасно не храню.

КАЗАНОВА

(вскипая)

Ах – так?

(сама с собой)

Зачем?

Нет, дорогой, прощаться – так прощаться!

(Пишет что-то кольцом по стеклу, окно настезь, кольцо в ночь.)

Вот и пропало!

КАЗАНОВА

(прорываясь)

Хороша любовь!

Из-за каких-то там семи дурацких

Чертовых – черт! – печатей – в ночь – навек...

– Какая там любовь! Так, – приключенье!

ГЕНРИЭТТА

Оставим это. Обещать одно

Мне должен ты. Коль в жизни доведется

Нам встретиться еще – не должен ты

Глазом моргнуть. Вот долг твой. Понял?

КАЗАНОВА

(желчно)

Понял.

Любовь и долг, но это так же ново...

ГЕНРИЭТТА

(на секундочку Анри)

Как белый волк – и верный Казанова!

(По-другому)

Еще одно: нигде и никогда

Не смей разузнавать – под страхом смерти

Моей – кто я. Еще одно: люби

Другую, нет – других, нет – всех. Безумства –

Три – свершила я в свой краткий век.
Ты – третье и последнее. – Довольно.
– Который час?

КАЗАНОВА

Так ты уйдешь одна?

ГЕНРИЭТТА

Да, как пришла.

КАЗАНОВА

Нет, это невозможно!

ГЕНРИЭТТА

Всё можно – под луной!

Лунный луч.

– Гляди, луна

Уж зажигает нам фонарь дорожный...

(Тушит свечу, наклоняется над спинкой кресла, кладет Казанове на голову руки.)

Когда-нибудь, в старинных мемуарах, –
Ты будешь их писать совсем седой,
Смешной, забытый, в старомодном, странном
Сиреневом камзоле, где-нибудь
В Богом забытом замке – на чужбине –
Под вой волков – под гром ветров – при двух свечах...
Один – один – один, – со всей любовью
Покончив, Казанова! – Но глаза,
Глаза твои я вижу: те же, в уголь
Все обращающие, те же, в пепл и прах
Жизнь обратившие мою – я вижу...
И литеры встают из-под руки, –
Старинные – из-под руки старинной,

Старинной – старческой – вот этой вот –
моей...

(Прижимает к рукам его руки.)

Когда-нибудь, в старинных мемуарах,
Какая-нибудь женщина – как я
Такая ж... Но который час?

Казанова молча показывает ей часы.

– Всё поздно!

– Даю вам клятву, что тебе приснюсь!

(Затыкает за пояс пистоль. В дверях)

Прощай! – Одна – над тобой и мной
Луна бездомная.

КАЗАНОВА

(к ней)

Скажи мне!

ГЕНРИЭТТА

(качая головой)

Все под большой луной
Играем втемную.

(Исчезает в полосе лунного света.)

Картина пятая

Тринадцать лет спустя

Комната гостиницы “Весы”, где прощались Генриэтта и Казанова. Входят – веселой
уличной бурей – Казанова и его тысяча первая подруга.

ДЕВЧОНКА

Вы здесь живете?

КАЗАНОВА

Нынче здесь.

ДЕВЧОНКА

Графский вкус!
Святой Исус! Диван, комод
И люстра... Все как у господ!
И пол коврами устлан весь!
– я только одного боюсь,
что это всё не наяву,
что вдруг – боюсь – проснусь!

КАЗАНОВА

Где муж твой?

ДЕВЧОНКА

Спят мужья мои!

КАЗАНОВА

А как тебя зовут?

ДЕВЧОНКА

Мими,
я ужинать хочу!

КАЗАНОВА

Люблю
У женщин – аппетит!

ДЕВЧОНКА

О, я бы даже королю
Сказала: кто не сыт,
любить не может!

КАЗАНОВА

Накормишь – и бай-бай!

ДЕВЧОНКА

Да, да, сначала накорми,
Потом и обнимай!

КАЗАНОВА

Чем ужинать мы будем?

ДЕВЧОНКА

Всем!

Давай, коли даешь!

Пожалуй – и тарелку съем!

А вилку, ложки, нож –

В карман, на память!

КАЗАНОВА

(позабавленно)

И гусей

В карман, на память?

ДЕВЧОНКА

Всё в карман!

КАЗАНОВА

(с комическим вздохом)

Ну что ж, перелистаем сей

Гастрономический роман!

– Так же целуешь ты, как ешь?

ДЕВЧОНКА

Целую так, как ем,

Пью как целую – и пою,

КАЗАНОВА

Сплошной Эдем!

Ле-Дюк! Не слышит! – Старый трюк!

Лентяй! – Ле-Дюк! – Наглец! Ле-Дюк!

ле-дюк

(просовывая голову в дверь)

Что надо?

КАЗАНОВА

Надо мне, пострел,

чтоб ты мне нбзло спать не смел!

Беги к хозяину, вели –

да расторопнее, бревно! –

чтобы тащил сюда вино

и снедь со всех концов земли.

И что иначе, дескать, граф...

ЛЕ-ДЮК

Хороший граф!

КАЗАНОВА

Треклятый нрав!

ле-дюк

Такой же граф, как я!

КАЗАНОВА

(в ярости)

убью!!!

(Хладнокровно.)

А что останется – в твою

ле-дюк

Останется тут!

КАЗАНОВА

Чертов сын!

ле-дюк

Каков, мессэре, господин,
Таков слуга.

КАЗАНОВА

Молчи, наглец!

ЛЕ-ДЮК

(разгораясь)

Кто черту – сын, а вы – отец:
Трудами вашими рогат
Весь мир, мессэре!

КАЗАНОВА

(полусмеясь)

Шут проклятый!

– Вон!!!

ЛЕ-ДЮК

Лондон – Рим – Париж – куда ни
кинешь взгляд –
По всей Европе ваши чертенята!

Казанова пускает в него чернильницей, тот, увернувшись, убегает.

КАЗАНОВА

(вслед)

Дурак!

(К девчонке)

– Вздохнула, как во сне...

Взгрустнулось – иль устала слушать?

ДЕВЧОНКА

Я думаю о том, что буду кушать

И сколько денег вы дадите мне.

(Задумчиво.)

У тараканов – страшные усы...

Приду домой – пустой чугунок и старый веник...

КАЗАНОВА

Чего бы ты хотела?

ДЕВЧОНКА

Дом. – Часы. –

Лакея в золотом и мно-ого денег!

КАЗАНОВА

Зачем тебе они?

ДЕВЧОНКА

Зачем?

Была ничем, а буду всем.

(Сентенциозно.)

Как цвет нуждается в поливке,

Так нужно денег, чтобы жить, –

Хотя бы для того, чтоб лить

Не сливки в кофий по утрам, а кофий в сливки!

(Трепля на себе юбки.)

Чтобы к чертям вот эти тряпки!

Чтобы катать в своей коляске!

(вокруг нее)

Очаровательные лапки!

Очаровательные глазки!

ДЕВЧОНКА

Вздохатели – так и роятся!

Тот есть тебе несет, тот пить...

(Хлопая в ладоши.)

Чтобы красивеньких – любить,

А над плешивыми – смеяться!

КАЗАНОВА

Сама Премудрость!

ДЕВЧОНКА

Может быть.

КАЗАНОВА

А сколько лет тебе?

ДЕВЧОНКА

Семнадцать.

– Скорей бы ужин!

КАЗАНОВА

А потом бай-бай...

ДЕВЧОНКА

Моя кровать была бы голубая,

Нет, – алая! А в головах – Амур,

И чтобы ямочки везде, – ну пухлый-пухлый!

КАЗАНОВА

Ты, кажется, еще играешь в куклы?

ДЕВЧОНКА

(оскорбленно)

Нет, никогда!

КАЗАНОВА

Признайся, – иногда!

ДЕВЧОНКА

Когда была я очень молода,
Тогда играла: в мать и дочку – раньше.

КАЗАНОВА

А куколку живую хочешь нянчить?

ДЕВЧОНКА

Похожую на вас – хочу, на всех –
Нет, не хочу. – Смешно! – и будет квакать,
Как лягушонок!.. Нет, грешно!

КАЗАНОВА

Чту – грех?!

Всех девушек удел – грешить и плакать,
И плакать и грешить, и плакать вновь,
И вышивать потом на церковь ризы...

ДЕВЧОНКА

Я буду звать ее: моя Любовь,
А при крещеньи дам ей имя: Лиза.

(Постепенно переходя в скороговорку.)

А над кроватью был бы балдахин,
Розовым шелком вышит, – всюду кисти!

и я бы в ней спала одна; боюсь,
когда храпят – и жарко, а хозяйка
когда б пришла поздравить, я бы ей –
смотри – вот так – в глаза бы наплевала!

(Плюется.)

Так, так, так, так. Потом бы золотой
в лоб запустила – не один, а тыщу!
Вот-вот-вот-вот – за то, что у ворот
стужей меня знобила. – Скоро ужин?

А впрочем, чтобы дотерпеть,
я песенку могу вам спеть.
Хотите?

КАЗАНОВА

Спой!

ДЕВЧОНКА

Вы не скупой?
Вы мне дадите золотой?

Казанова, смеясь, опускает ей за шиворот несколько монет. Визг.

ДЕВЧОНКА

(поет)

Страсть ударяет молотом,
нежность пилит пилой.
Было веселым золотом,
станет сухой золой.
Лучше – пока не выцвели
очи от слезных дел –
милый, гуляй с девицами,
в розах, как бог велел!
Много в саду садовников,

Роза в саду – одна!

Дальше сквозь строй любовников

Гонит меня луна...

(Обрывает.)

Короткая песня, а в Рим доведет!

– Хорошая песня?

КАЗАНОВА

На розовый рот

я твой загляделся, на шейку твою...

ДЕВЧОНКА

(обиженно)

Как странно, что смотрят, когда я пою!

(Взглядывая в окно.)

– Луна!

КАЗАНОВА

Богородица всех измен!

ДЕВЧОНКА

(мечтательно)

Она голубого цвета...

(Вглядываясь в окно, читает.)

“Забудешь” – а дальше? – “и Ген... и Ген...

Забудешь и Генриэтту!”

КАЗАНОВА

(подойдя к ней)

Что ты читаешь?

ДЕВЧОНКА

То, что на стекле

Написано – нет, здесь, левей – алмазом...

“и Генриэтту?..”

КАЗАНОВА

Или я ослеп?!

Гостиница “Весы” – часы – спаси мой разум!

Алмазом по стеклу – кольцом – кольцо!!!

Тринадцать лет назад!!! – Эй, кони, мчите!!!

(Ударяет кулаком по стеклу. Стекло вдребезги. Взрыв ветра.)

ДЕВЧОНКА

Какое страшное у вас лицо!

И почему вы так кричите?

КАЗАНОВА

Что ты? Кто ты? Вон, негодяйка, сгинь!

(В окно.)

Моя любовь! Мой лунный мальчик!

ДЕВЧОНКА

Мне остается лишь сказать: аминь.

И тут же отправляться дальше.

– Еще убьете!

КАЗАНОВА

(не понимая)

Ты зачем пришла?

ДЕВЧОНКА

(пятясь)

Вы сами звали, обещали ужин...

КАЗАНОВА

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что! Ужин? – Кроме этого стекла,

Мне – понимаешь? – ничего не нужно!

Стекло выбито, попадает рукой в пустоту.

ДЕВЧОНКА

(хныкая)

Сейчас уйду... Сперва введут в беду,

Потом – у-у – выталкивают в спину...

КАЗАНОВА

Тринадцать лет, Анри, в каком аду!

Платонова родная половина!

Здесь кто-то плачет? – В лунной полосе

Взойдешь, как сон... как сон... и БОГ

рассудит...

ДЕВЧОНКА

Я понимаю: вы такой, как все,

И никакого ужина не будет.

Прощайте!

КАЗАНОВА

(очнувшись)

Ты уходишь?

ДЕВЧОНКА

Ухожу.

Я ненавижу вас!

КАЗАНОВА

Ого! Ты злая!

ДЕВЧОНКА

Я вам предоставляю госпожу

Луну, а вас – Луне предоставляю!

Целуйтесь с ней!

КАЗАНОВА

Рассерженный зверек!

ДЕВЧОНКА

Не смейте на меня глядеть!

КАЗАНОВА

(позабавленный)

Чертенок!

Хочу – гляжу!

ДЕВЧОНКА

А всё равно не впрок!

КАЗАНОВА

Ну и состарься без таких девчонок!

ДЕВЧОНКА

Я так хотела вас любить!

КАЗАНОВА

Ну-ну!

Еще захочешь!

ДЕВЧОНКА

Чтоб взбесились вдруг вы?

КАЗАНОВА

(хлопая себя по колену)

Садись сюда – хоп!

(уже на коленях)

Больше на Луну

Глядеть не будешь – и на эти буквы?..

А что это за буквы? – Нет, в окно

Не смей глядеть! – Души моей мученье!

(Поворачивает руками его голову к себе.)

– Так что это за буквы?

КАЗАНОВА

Так, – одно –

Единственное – приключенье.

ДЕВЧОНКА

Амурное?

КАЗАНОВА

Нет, нет...

ДЕВЧОНКА

Ну да, ну да!

Знаем мы вас! – Дверь на задвижку запер?

Ужинать не хочу.

(Одним прыжком с колен Казановы к статуэтке Мадонны.)

А шаль – сюда,

Чтобы не огорчалась Божья мать.

25 декабря 1918 – 23 января 1919

Примечания

1 Вы забудете и Генриэтту. Казанова. Мемуары (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!